

Ричард Бротиган

лужайкина месть

“Я просто жду,
а ждать можно
как угодно,
потому что все
ожидания в мире
похожи одно
на другое”.

18+

Романы-бротиганы

Ричард Бротиган
Лужайкина месть

«ЭКСМО»

1941

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бротиган Р.

Лужайкина месть / Р. Бротиган — «Эксмо», 1941 — (Романы-бротиганы)

ISBN 978-5-04-156845-0

Ричард Бротиган (1935—1984) — американский прозаик и поэт, знаковая фигура контркультуры 1960—70-х годов, ставший вдохновителем многих писателей: от Эрленда Лу и Кристофера Мура до Харуки Мураками и Сары Холл. В книгу вошли: сборник рассказов «Лужайкина месть» 1971 года, парадоксальный и яркий, состоящий как из полноценных рассказов, так и из набросков-зарисовок; исторический роман «Аборт» о полной романтических возможностей публичной библиотеке в Калифорнии, куда принимают только неопубликованные рукописи; повесть «Чтобы ветер не унес все это прочь» об одной смертельной ошибке, когда вместо гамбургера были куплены патроны для пистолета.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-156845-0

© Бротиган Р., 1941

© Эксмо, 1941

Содержание

Лужайкина месть. Рассказы 1962–1970 гг.	7
Лужайкина месть	7
Кинохроника про Коттона Мэзера [6] в 1692 году	11
1/3, 1/3, 1/3	13
Сбор калифорнийцев	16
Рассказ о современной жизни в Калифорнии	17
Пожар тихоокеанского радио	18
Эльмира	19
Кофе	20
Утраченные главы «Рыбалки в Америке». «Речушка Рембрандта» и «Сток Карфагена»	22
Погода в Сан-Франциско	24
Сложные банковские загвоздки	25
Высотка в Сингапуре	26
Неограниченный запас 35-миллиметровой пленки	27
Дуэль Скарлатти [10]	28
Птицы поднебесные	29
Зимний коврик	32
Машинистка Эрнеста Хемингуэя	34
В знак почтения к ИМКА [15] В Сан-Франциско	35
Красивая контора	37
Требуется огороды	38
Старый автобус	39
Призраки детей Такомы	40
Прямой эфир	42
Я пытался рассказать кому-то о тебе	43
В Хеллоуин по домам на кораблях до самого моря	44
Ежевичный автомобилист	45
Резинка Торо	46
44:40	47
Чудный денек в Калифорнии	49
Почтамты Восточного Орегона	50
Бледномраморное кино	54
Напарники	55
Будем знакомы	56
Краткая история Орегона	59
Давным-давно люди решили жить в Америке	61
Краткая история религии в Калифорнии	63
Черт побереи апрель	65
Один день в 1939-м	66
Капрал	67
Охлопья	68
Полная история Германии и Японии	69
Аукцион	70
Броневик	71
Литературная жизнь в Калифорнии/1964	73

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Ричард Бротиган

Лужайкина месть

Richard Brautigan
Revenge of The Lawn
The Abortion
So The Wind Won't Blow It All Away

REVENGE OF THE LAWN © 1964, 1964, 1965, 1966, 1967, 1969, 1970, 1971 by Richard Brautigan, Renewed © 1999 by Ianthe Brautigan

THE ABORTION © 2020 1970, 1971 by Richard Brautigan, Renewed © 1999 by Ianthe Brautigan

SO THE WIND WON'T BLOW IT ALL AWAY © 1982 by Richard Brautigan

© Перевод. Дмитрий Коваленин, 2000

© Перевод. Александр Гузман, 2000

© Перевод. Анастасия Грызунова, 2001, 2020

© Перевод. Максим Немцов, 2002, 2020

© Перевод. Фаина Гуревич, 2002, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Лужайкина месть. Рассказы 1962–1970 гг.

*Эта книга – Дону Карпентеру*¹

Лужайкина месть

Моя бабушка – по-своему, разумеется, – сияет маяком в бурной ночи американского прошлого. Она была бутлегершей в одном захолустном округе штата Вашингтон. А кроме того – весьма представительной женщиной: ростом под шесть футов, и свои 190 фунтов веса носила так, как подобало оперным дивам начала 1900-х. Занималась она преимущественно бурбоном – тот выходил немного неочищенным, но здорово освежал во времена закона Волстеда².

Конечно, никаким Аль Капоне³ в юбке она не была, но ее бутлегерские подвиги в тех краях, как говорится, служили просто рогом изобилия бакс и россказней. Много лет она держала всю округу на коротком поводке. Бывало, каждое утро к ней заглядывал сам шериф – с отчетом о погоде и видах на кладку несущек.

Могу себе вообразить, как она с ним разговаривала:

– Что ж, шериф, надеюсь, вашей матушке скоро получшеет. Да я и сама на той неделе застудилась так, что горло болело. До сих пор вот носом шморгаю. Передавайте, мол, я велела кланяться – пускай в гости заходит, как следующий раз в наших местах окажется. А ежели вам вон тот ящик, так забирайте сразу, или я вам его сама пришлю, как только Джек с машиной вернется... Нет, даже не знаю, пойду я в этом году на бал пожарников или нет, но вы же знаете, что я к пожарникам завсегда со всей душой. Ежели вы меня там сегодня вечером не увидите, так мальчонкам и передайте. Нет, я, конечно, постараюсь, да вот простуда меня никак не хочет отпускать. Каждый вечер так и лезет, так и лезет...

Моя бабушка жила в трехэтажном доме, который даже по тем дням считался древним. Перед домом росла груша, уже сильно подмытая дождями. А все оттого, что много лет перед домом не было лужайки.

Штакетник, окружавший лужайку, тоже давно исчез, и люди подъезжали на своих машинах напрямик к крыльцу. Зимой весь двор перед домом превращался в трясину, а летом затвердевал, как скала.

Джек, бывало, материл этот двор, словно тот был живой тварью. Джек – это мужчина, проживший с моей бабушкой тридцать лет. Он не был мне дедом. Он был итальянцем, который однажды пришел к ней по дороге. Джек ходил от дома к дому и продавал участки во Флориде.

Он торговал мечтой о вечных апельсинах и солнышке в тех краях, где люди жевали яблоки и часто шли дожди.

Джек заглянул к моей бабушке, чтобы продать ей участок буквально в двух шагах от центра Майами, а через неделю уже развозил по округе ее виски. Задержался на тридцать лет, и Флорида продолжала цвести без него.

¹ Дон Карпентер (1931–1995) – американский писатель и киносценарист, друг и соратник Ричарда Бротигана, Шела Силверстина и др. *Здесь и далее примечания переводчиков. Переводчики благодарят за поддержку Фашу Гуревич.*

² Закон Волстеда был принят в октябре 1919 г. с целью принудительного проведения в жизнь положений 18-й поправки о «сухом законе» вопреки вето президента Вудро Уилсона. Вводил меры контроля за запретом на производство, продажу и перевозку алкогольных напитков. Назван по имени инициатора – конгрессмена-республиканца от штата Миннесота Эндрю Джозефа Волстеда (1860–1947). Отменен в 1933 г. после ряда поправок, вызванных трудностями применения закона на практике.

³ Альфонс Габриэль Капоне (точнее Кэпоун, 1899–1947) – американский гангстер и предприниматель, один из главарей преступного мира Америки в 1920–30-х гг.

Двор перед домом Джек ненавидел, ибо считал, что двор лично против него что-то замышляет. Когда Джек пришел по дороге, перед домом была очень красивая лужайка, но он пустил ее псу под хвост. Не только поливать ее отказывался, но и вообще как бы то ни было за ней ухаживать.

И теперь земля там стала такой твердой, что летом у Джека моментально покрывки спускало. Двор всегда находил гвоздик, чтобы воткнуть ему в шину, а зимой, когда начинались дожди, машина постоянно тонула по самую крышу.

Лужайка принадлежала моему деду, который весь конец жизни провел в приюте для душевнобольных. Она была его гордостью и радостью. Про это место говорили, что от него у деда вся сила.

Мой дедушка был мелким вашингтонским мистиком, и в 1911 году предсказал точную дату начала Первой мировой войны: 28 июня 1914 года. Но это оказалось для него чересчур. Он так и не смог насладиться плодами своих трудов, поскольку в 1913-м его упрятали, и семнадцать лет он провел в психиатрической лечебнице штата Вашингтон, полагая, что сам он – еще ребенок, а на дворе – 3 мая 1872 года.

Он считал, что ему шесть лет, день стоит пасмурный, и скоро пойдет дождь, а его мама печет шоколадный торт. Для моего дедушки 3 мая 1872 года оставалось до самой его смерти в 1930 году. Шоколадный торт пекся семнадцать лет.

От дедушки осталась фотография. Я очень на него похож. Единственная разница – во мне больше шести футов росту, а он едва достигал пяти. Он смутно догадывался, что чем меньше он ростом, чем ближе будет к земле и своей лужайке и тем точнее сможет предсказать точную дату начала Первой мировой войны.

Жалко, что война началась без него. Если б он только мог растянуть свое детство еще на годик, если б не соблазнился шоколадным тортом, все мечты его сбылись бы.

На доме у бабушки всегда было две большие вмятины. Их так и не отремонтировали, и одна появилась вот как. Осенью груши на переднем дворе созревают, потом падают с дерева на землю и гниют, а пчелы собираются на них сотнями и сидят целыми роями.

В какой-то момент у пчел появилась гадкая привычка два или три раза в год жалить Джека. Они жалили его весьма изобретательно.

Однажды пчела забралась к нему в бумажник, а он отправился в лавку купить чего-то к ужину, ведать не ведая, какую пакость несет у себя в кармане.

Вытащил бумажник, чтобы расплатиться за покупки.

– Это будет 72 цента, – сказал лавочник.

– АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA! – ответил Джек, глядя, как пчела деловито жалит его в мизинец.

Первая крупная вмятина в доме появилась благодаря уже другой пчеле, которая приземлилась на сигару Джека, пока тот въезжал на машине во двор той грушевой осенью, когда рухнула фондовая биржа ⁴.

Пчела спустилась по сигаре, пока Джек мог лишь косить на нее в ужасе глазами, и ужалила его в верхнюю губу. Джек отреагировал лишь тем, что немедленно въехал на машине в дом.

После того, как Джек запустил лужайку ко всем чертям, у двора перед домом началась довольно любопытная жизнь. Однажды в 1932 году Джек отправился выполнять какое-то бабушкино поручение или отвозить что-то клиентам. А ей нужно было выбросить старое сусло и поставить новое.

⁴ Имеется в виду «черный вторник» – 29 октября 1929 г., день биржевого краха на Уолл-стрит, ознаменовавший собой начало Великой депрессии, крупнейшего экономического кризиса США в XX в.

Поскольку Джека не было, она решила сделать все сама. Надела железнодорожную робу, в которой обычно работала у себя в винокурне, нагрузила суслом тачку и вывалила ее на передний двор.

А у нее вокруг дома бродила стайка белоснежных гусей. Жили они в гараже, где машину не держали с тех самых пор, как появился Джек, торговавший своими видами на будущее во Флориде.

У Джека имелось некое понятие о том, что машине очень неправильно иметь собственный дом. Думаю, он почерпнул это где-то в Старом Свете. Ответ излагался на итальянском – это был единственный язык, на котором Джек говорил о гараже. Обо всем остальном он говорил по-английски, а о гараже – только по-итальянски.

Вывалив сусло под грушу на переднем дворе, бабушка вернулась к своему перегонному кубу в подвале, а гуси собрались вокруг сусла и завели дискуссию.

Видимо, они пришли к общему приемлемому решению, поскольку все разом начали это сусло поедать. Они ели сусло, а глаза их все разгорались и разгорались, и голоса становились все громче и громче по мере того, как сусло получало все более высокую их оценку.

Через некоторое время один гусь сунул голову в сусло и забыл ее оттуда вытащить. Другой гусь неистово загоготал и попробовал встать на одну лапу, показывая, как У. К. Филдз⁵ изобразил бы аиста. В таком положении он продержался около минуты, после чего рухнул на собственное хвостовое оперение.

Бабушка обнаружила их вокруг сусла – они лежали в тех же позах, в каких попадали на землю. Похоже, их всех скосило пулеметным огнем. С высоты своего оперного великолепия бабушка решила, что они мертвы.

Отреагировала на это она просто – общипала всех, а лысые трупы сложила в тачку и укатила ту в подвал. Чтобы устроить всех поудобнее, пришлось совершить пять ходок.

Она сложила гусей возле куба, как дрова в поленицу, и стала дожидаться Джека, чтоб тот избавился от них, но при этом один гусь остался бы на ужин, а от продажи остальной стаи на городском рынке получилась хоть маленькая, но прибыль. Покончив с винокурением, бабушка отправилась наверх вздремнуть.

Примерно через час гуси стали приходить в себя. Похмелье их было сокрушительным. Они все уже как бы встали на ноги, хотя было незачем, когда кто-то один вдруг обнаружил, что на нем нет ни единого перышка. Он и остальным сообщил об их состоянии. Отчаянью их не было предела.

Нетвердым шагом, уныло свесив головы на грудь, вся компания выбралась из подвала. Когда Джек въехал во двор, гуси бестолково толпились под грушей.

Как только он увидел кучку облысевших гусей, вероятно, в его памяти снова ожил тот случай, когда пчела ужалила его в рот. Потому что Джек, как полоумный, немедленно выхватил изо рта сигару и отшвырнул от себя что было силы. По этой причине рука его была вынуждена пробить ветровое стекло. Такой поступок стоил ему тридцати двух швов.

А гуси стояли в сторонке под грушей и, точно беспомощная, примитивная американская реклама аспирина, таращились на то, как Джек таранит своей машиной бабушкин дом во второй и последний раз в двадцатом веке.

* * *

Первое, что я помню в своей жизни, произошло на дворе перед бабушкиным домом. Год был 1936-й или 1937-й. Я помню, как какой-то мужчина – наверное, Джек, – спилил грушевое дерево и облил его керосином.

⁵ Уильям Клод Дьюкенфилд (1880–1946) – американский комический актер.

Даже для первого воспоминания в жизни это выглядело странно: смотреть, как человек выливает галлон за галлоном керосин на дерево, что растянулось по земле футов на тридцать, а потом поджигает его. Ведь на ветках еще висели зеленые груши.

Кинохроника про Коттона Мэзера ⁶ в 1692 году

О ведьма Такомы, штат Вашингтон, 1939 год, где ты теперь, когда я до тебя дорастаю? Когда-то моему телу хватало детского пространства, а в дверях открывался большой смысл и они были почти как люди. В 1939 году открыть дверь кое-что значило, а дети насмехались над тобой, потому что ты была сумасшедшая и жила одна в мансарде – через дорогу от нас, сидевших в канаве, как два трущобных воробья.

Нам было по четыре года.

А тебе было почти столько же, сколько мне теперь, и дети вечно дразнили тебя и кричали вслед: «Чокнутая! Бежим! Бежим! Ведьма! Ведьма! Не смотри ей в глаза! Она на меня посмотрела! Бежим! Спасите! Бежим!»

Я со своим длинным хипповым хайром и странной одеждой скоро стану как ты. В 1967 году я на вид примерно так же безумен, как ты в 1939-м.

Маленькие дети визжат мне: «Эй, хиппи!» в утреннем Сан-Франциско, как мы визжали: «Эй, чокнутая!», когда ты брела сквозь такомские сумерки.

Наверное, ты привыкла, как привык я.

В детстве я всегда покупался на «слабб». Скажи, что мне слабб сделать то или это, – и я сделаю. Бр-р! Чего я только не вытворял, лилипутским Дон Кихотом шагая по следу за призраком «слабб».

Мы сидели в канаве и больше не делали ничего. Может, ждали, когда появится ведьма или еще что-нибудь и вызволит нас из канавы. Мы там просидели почти час – по детскому времени.

– Слабб тебе подняться к ведьме домой и помахать из окна, – сказал мой друг, и мир наконец завертелся.

Я посмотрел на ведьмин дом через дорогу. В ее мансарде было одно окно, и оно глядело на нас застывшим кадром из фильма ужасов.

– Ладно, – сказал я.

– Ну ты даешь, – сказал мой друг. Уже не помню, как его звали. Десятилетия выпилили имя из памяти, вместо него оставив дырочку.

Я вылез из канавы, перешел через дорогу и обогнул дом. В мансарду вела лестница у задней стены. Деревянная лестница, серая, будто старая мама-кошка, а до ведьминой двери – три марша.

У подножия лестницы стояли мусорные баки. Мне стало интересно, какой из них ведьмин. Я поднял крышку и заглянул внутрь – нет ли там ведьминского мусора.

Ведьминского мусора там не было.

Обычный мусор. Я поднял крышку другого бака, но и в нем ведьминского мусора не обнаружилось. Я проверил третий бак, но с ним было то же самое: никакого ведьминского мусора.

У лестницы стояли три мусорных бака, а в доме было три квартиры, включая мансарду, где жила она. В одном из баков должен быть ее мусор, но между ее мусором и мусором других людей – никакой разницы.

...и вот...

Я поднялся по лестнице в мансарду. Я шел очень осторожно, будто гладил старую серую маму-кошку, кормившую котят.

⁶ Коттон Мэзер (1663–1728) – теолог, политик, фанатик-пуританин, глава Салемского суда, в 1692 г. инициировал многочисленные судебные процессы против ведьм.

В конце концов я добрался до ведьминой двери. Я не знал, дома ведьма или нет. Могла быть дома. Я думал было постучать, но какой смысл? Если ведьма там, она просто хлопнет дверью у меня перед носом или спросит, чего мне надо, а я побегу по лестнице с криком: «Спасите! Спасите! Она на меня посмотрела!»

Дверь была высокая, молчаливая и человеческая, как немолодая женщина. Я будто коснулся ее руки, открыв дверь бережно, точно в часовом механизме копался.

Вошел я в кухню, и ведьмы там не было, но стояли двадцать или тридцать ваз, банок и бутылок с цветами. На столе, на полках и на приступках. Одни цветы свежие, другие уже увяли.

Я вошел в следующую комнату – в гостиную, и там ведьмы тоже не было, но снова стояли двадцать или тридцать ваз, банок и бутылок с цветами.

От цветов у меня сильнее заколотилось сердце.

Мусор мне все наврал.

Я вошел в последнюю комнату, в спальню, и там ведьмы тоже не было, но снова стояли двадцать или тридцать ваз, банок и бутылок с цветами.

У кровати было окно – то окно, что смотрело на улицу. Латунная кровать накрыта лоскутным одеялом. Я подошел к окну и посмотрел на моего друга, который сидел в канаве и смотрел на окно.

Он глазам своим не поверил, что я стою в ведьмином окне, а я очень медленно ему помаhal, и он очень медленно помаhal мне в ответ. Мы как будто махали друг другу за тысячу миль, словно два человека машут из разных городов, из Такомы и Салема, например, а наши руки – эхо их рук, помахавших друг другу из далекой дали.

Я доказал, что мне не слабó, и все изменилось в пустом саду этого дома, все мои страхи рухнули на меня цветочным обвалом, и я, вопя во все горло, выскочил наружу и помчался вниз по лестнице. Орал я так, будто наступил в дымящуюся кучу драконьего дерьма величиной с тачку.

Когда я с воплями выбежал из-за дома, мой друг выпрыгнул из канавы и тоже завопил. Наверное, решил, что за мной гонится ведьма. Вопя мы бежали по улицам Такомы, а наши голоса гнались за нами, как в кинохронике про Коттона Мэзера в 1692 году.

Это было за месяц или два до того, как немецкая армия вошла в Польшу.

1/3, 1/3, 1/3

Все было на троих. Мне причиталась 1/3 за перепечатку, ей – 1/3 за редактирование, а ему – 1/3 за сам роман.

Мы уговорились разделить гонорар на троих. Ударили по рукам, каждый знал, что должен делать, пред нами путь, в конце – ворота.

Меня взяли партнером, потому что у меня была пишмашинка.

Я жил в обитой картоном самопальной лачуге через дорогу от ветхого старого дома, который служба социального обеспечения сдавала ей и ее девятилетнему сыну Фредди.

Романист жил в трейлере, в миле от нас, возле запруды у лесопилки, и работал на лесопилке сторожем.

Мне было почти семнадцать, и на этом давнем Тихоокеанском Северо-Западе, в этом сумеречном, дождливом краю 1952 года я стал одинок и странен. Сейчас мне тридцать один, и я по сей день не понимаю, чем тогда думал, живя вот так.

Она была из таких вечно хрупких женщин под сорок, бывших красоток, что некогда пользовались большим успехом в придорожных забегаловках и пивных, а теперь сидят на пособии, и вся их жизнь вращается вокруг одного дня в месяц, когда приходят чеки.

«Чек» для них – единственное священное слово, и они ухитряются вставить его в каждый разговор минимум раза три или четыре. О чем разговор – не важно.

Романисту было под пятьдесят – высокий, рыжеватый, выглядел так, будто жизнь поставляла ему бесконечную череду неверных подружек, друзей пятый день как в запое и автомобилей со сломанной коробкой передач.

Он писал роман, поскольку хотел поведать историю, приключившуюся с ним много лет назад, когда он работал в лесах.

И еще он хотел заработать денег: 1/3.

Я вступил в долю примерно так: однажды я стоял перед своей лачугой, ел яблоко и смотрел в черное изодранное небо, что ныло, как зубы, и готовилось вот-вот пролиться дождем.

К занятию своему я подходил профессионально. Я очень увлеченно разглядывал небо и поедая яблоко. Если я пялился в небо подолгу, можно было подумать, что мне за это платят хорошую зарплату и обещают пенсию.

– Эй, ТЫ! – услышал я чей-то крик.

Я посмотрел через слякотную лужу – а там стояла женщина. В какой-то зеленой клетчатой куртке, которую она носила всегда, кроме тех случаев, когда ходила в контору социального обеспечения в центре. Тогда она надевала мешковатое серо-пегое пальто.

В нашей бедной части города улиц не мостили. Улица – одна большая слякотная лужа, надо обходить. Автомобилям от этой улицы толку не было. Они ездили на другой частоте – там, где асфальт и гравий были к ним добрее.

На женщине были белые резиновые боты – она всегда носила их зимой и от этого смотрелась как-то по-детски. Она была так хрупка и так подседа на пособие департамента соцобеспечения, что часто смахивала на двенадцатилетнюю девочку.

– Вам чего? – спросил я.

– У тебя же есть пишущая машинка? – спросила она. – Я проходила мимо твоей лачуги и слышала, как ты печатаешь. Ты много печатаешь по ночам.

– Да, у меня есть пишущая машинка, – сказал я.

– Хорошо печатаешь? – спросила она.

– Вполне.

– У нас нет пишущей машинки. Хочешь с нами? – крикнула она через слякотную лужу. В этих своих белых ботах – вылитая двенадцатилетняя девчонка, милочка и дорогуша всех слякотных луж.

– В смысле – «с вами»?

– Ну, он пишет роман, – сказала она. – Хороший. Я редактирую. Я читала кучу популярных книжек и «Ридерз дайджестов». Нам нужен кто-нибудь с машинкой, все это напечатать. Получишь треть. Как тебе?

– Я бы хотел глянуть роман, – сказал я. Я не понимал, что происходит. Я знал, что у нее есть три или четыре ухажера, которые все время к ней навешиваются.

– Еще бы! – крикнула она. – Как печатать-то не глядя? Пошли. Забежим к нему прямо сейчас, познакомитесь, посмотришь роман. Он хороший парень. Отличная книга.

– Ладно, – сказал я и пошел вокруг слякотной лужи к ней, а она, двенадцатилетняя девчонка, стояла перед своим домом злого дантиста милях в двух от конторы соцобеспечения.

– Пошли, – сказала она.

* * *

Мы пошли к трассе, потом по трассе мимо слякотных луж, запруд лесопилки и залитых дождем полей, а потом добрались до грунтовки, что пересекала железнодорожную ветку и сворачивала у полудюжины мелких запруд, забитых черными зимними бревнами.

Говорили мы очень мало, да и то лишь о ее чеке, который опаздывал на два дня, а она позвонила в соцобеспечение, и ей сказали, что отправили чек и он должен прийти завтра, но позвоните еще завтра, если не придет, мы все подготовим и срочно переведем вам деньги.

– Ну, надеюсь, завтра он придет, – сказал я.

– Я тоже, а то придется тащиться в центр, – сказала она.

За последней запрудой стоял старый желтый трейлер на деревянных колодах. С первого взгляда было ясно: он больше никогда никуда не поедет, трасса осталась на далеких небесах, которым теперь только молиться. Очень грустный трейлер с кладбищенской трубой, что выкручивала в воздух рваный мертвый дым.

Какое-то существо, полукошка-полусобака, сидело на шероховатом дощатом крыльце перед дверью. Существо полугавкнуло-полумякнуло нам: «Рряу!» – метнулось под трейлер и выглянуло из-за колод.

– Это здесь, – сказала женщина.

Дверь отворилась, и вышел мужчина. На крыльце под черным брезентом лежала груда дров.

Мужчина поднес ладонь к глазам, прикрывая их от воображаемого яркого солнца, хотя все вокруг потемнело в предвкушении дождя.

– Привет вам, – сказал он.

– Здравсте, – сказал я.

– Привет, милый, – сказала она.

Он потряс меня за руку, пригласил в трейлер, легонько поцеловал ее в губы, и мы все вошли.

Внутри было тесно, слякотно, пахло затхлым дождем и стояла большая разворошенная кровать – судя по всему, недавно ей пришлось пережить любовь, и то была печальнейшая любовь на свете.

Там стоял зеленый кустистый полустол, пара насекомоподобных стульев, маленькая раковина и крошечная печка, которую использовали для стряпни и обогрева.

В маленькой раковине лежали грязные тарелки. Тарелки, похоже, всю жизнь были грязными: родились грязными на века.

Где-то в трейлере по радио играло кантри, но приемника я не увидел. Я поозирался, но он не показывался. Может, спрятался под рубашкой, например.

– Вот пацан с пишущей машинкой, – сказала она. – Он напечатает и получит 1/3.

– Это по-честному, – сказал он. – Кто-то должен печатать. Я такого никогда не делал.

– Покажи ему, – сказала она. – Он хочет глянуть.

– Ладно. Но там не очень аккуратно, – сказал он мне. – Я только четыре класса отучился, так что она отредактирует, грамматику выправит, запятые, все такое.

На столе рядом с пепельницей, где было бычков, наверное, 600, лежал блокнот. На обложке блокнота – цветная фотография Хопалонга Кэссиди ⁷.

Хопалонг выглядел утомленным, будто всю ночь бегал за старлетками по Голливуду и еле нашел в себе силы снова забраться в седло.

Двадцать пять или тридцать страниц блокнота были исписаны. Крупным почерком первоклашки: несчастливый брак между печатью и письменностью.

– Я еще не закончил, – сказал он.

– Ты напечатаешь. Я отредактирую. Он напишет, – сказала она.

То была история о молодом лесорубе, который влюбился в официантку. Роман начинался в 1935 году, в кафе Норт-Бенда, штат Орегон.

Молодой лесоруб сидел за столом, а официантка принимала у него заказ. Она была очень хорошенькой розовощекой блондинкой. Молодой лесоруб заказывал телячьи котлеты с картофельным пюре и деревенской подливкой.

– Я отредактирую, ага. Ты же сможешь напечатать? Неплохо, правда? – спросила она двенадцатилетним голосом, а из-за плеча у нее выглядывало пособие для бедных.

– Правда, – сказал я. – Запросто.

Внезапно за окном без всякого предупреждения хлынул дождь – просто вдруг огромные дождевые капли, от которых трейлер чуть не затрясся.

Вы я виж любити теляч катлеты да сказала Мэйбелл она держала держала свой корондаш окало рта каторый был красивы и крастный как яблак!

Токо када вы пренемаете закас казал Карл он был нимног ропкий лисаруб но бальшой и сильный как ево овец влоделиц лисапилки!

Я папрашу штоп вам дали много подлифки!

Тут дверь кафе розпахнулас и вашел Ринс Адамс он был кросивый и злобный все в тех мистах его баялис но Карл нет и ево овец отец они не боялис ево нет уш!

Мэйбл задрыжала када увидала что он стаит в своей клещатой куртке он улыбнулся ей и Карл почувстал как крофь пабижала в нем как абжигающие кофы и разазлился!

Приветик сказал Ринс Мэйбелл спыхнула как цветок цвитог, а мы сидели в этом дожделивом трейлере и колотили в ворота американской литературы.

⁷ Билл «Хопалонг» Кэссиди – американский ковбой, герой рассказов и романов (с 1904) американского писателя Кларенса Э. Малфорда, а впоследствии и других авторов. В 1935–1948 гг. кинокомпания Paramount Pictures, а затем кинокомпания United Artists выпустили в прокат 66 фильмов о Хопалонге Кэссиди. Во всех фильмах в роли Хопалонга снимался Билл Бойд (в 1946–1948 гг. выступавший также продюсером), так что в конце концов его имя и имя его героя стали синонимами.

Сбор калифорнийцев

Как большинство калифорнийцев, я родом из совсем другого места – Калифорния призвала меня по какой-то своей надобности, точно поедающая металл росянка, что вбирает весь солнечный свет, все дожди, а затем тянет к автотрассе лепестки, впускает в себя автомобили, миллионы машин в один-единственный цветок, чей аромат перебивается заторами, но места хватит еще на миллионы.

Мы нужны Калифорнии, поэтому она собирает нас из других мест. Возьму тебя, тебя и тебя – и меня, с Тихоокеанского Северо-Запада: из затравленной призраками земли, где природа танцует с людьми менуэт, и со мной танцевала в те давно прошедшие времена.

Оттуда в Калифорнию я принес все, что знал: годы и годы иной жизни, к которой больше никогда не смогу вернуться, да и не хочу возвращаться, а порой кажется, что и не со мной вовсе это было, а с каким-то другим телом, лишь смутно напоминающим меня своими очертаниями и внешностью.

Странно, что Калифорнии нравится собирать своих людей отовсюду и отбрасывать все, что мы знали прежде, и вот на зов Калифорнии собрались мы, точно сама энергия, тень того поедающего металл цветка, оторвала нас от иной жизни, и теперь нам предстоит до самого конца строить Калифорнию, как Тадж-Махал в виде счетчика на парковке.

Рассказ о современной жизни в Калифорнии

Существуют тысячи рассказов с оригинальными началами. Этот не из них. Мне кажется, рассказ о современной жизни в Калифорнии можно начать только так, как Джек Лондон начал «Морского волка»⁸. В такое начало я верю.

В 1904 году получилось, получится и в 1969-м. Я уверен, что начало может донестись и через десятки лет, и послужить этому рассказу так же хорошо, потому что здесь у нас – Калифорния, где можно делать все, что заблагорассудится, и богатый молодой литературный критик уже сел на паром из Сосалито в Сан-Франциско. Он только что провел несколько дней в хижине у друга в Милл-Вэлли. Друг зимой читает в этой хижине Шопенгауэра и Ницше. Вместе им очень здорово.

Плывя в тумане по заливу, он размышляет, не написать ли ему эссе под названием «Необходимость свободы: мольба о настоящем художнике».

Волк Ларсен, разумеется, торпедирует паром и берет богатого молодого литературного критика в плен, где тот немедленно превращается в юнгу-дневального и вынужден носить смешную одежду, им все помыкают, как хотят, а он ведет замечательно интеллектуальные беседы со старым Волком, ему дают поджопников, его хватают за глотку, повышают в чине до помощника капитана, он взрослеет, встречает свою единственную любовь Мод, сбегает от Волка, мотыляется по всему этому чертову Тихому океану в лохани чуть получше спасательной шлюпки, находит остров, строит на нем из камней хижину, глушит дубинкой тюленей, чинит разбившийся парусник, хоронит Волка в открытом море, получает поцелуи и т. д.: а все для того, чтобы шестьдесят пять лет спустя закончить этот рассказ о современной жизни в Калифорнии.

Слава Богу.

⁸ Джек Лондон (1876–1916) – американский писатель, уроженец Сан-Франциско. Роман «The Sea-Wolf» написан в 1904 г. и начинается так: «Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Милл-Вэлли, под сенью горы Тамальпайс, но он жил там только зимой, когда ему хотелось отдохнуть и почитать на досуге Ницше или Шопенгауэра. С наступлением лета он предпочитал изнывать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться до понедельника, мне не пришлось бы пересекать бухту Сан-Франциско в это памятное январское утро» (пер. Д. Горфинкеля, Л. Хвостенко).

Пожар тихоокеанского радио

Крупнейший океан на свете начинается или заканчивается в Монтерее, Калифорния. Все зависит от языка, на котором вы говорите. От моего друга только что ушла жена. Просто вышла из дома и даже не попрощалась. Мы с ним сходили взяли две пинты портвейна и направились к Тихому океану.

Это старая песня – ее заиграли все музыкальные автоматы в Америке. Песня крутилась так долго, что записалась даже в американской пыли, а та осела на всё и превратила стулья, машины, игрушки, лампы и окна в миллиарды проигрывателей, и те воспроизводили эту песню ушам нашего разбитого сердца.

Мы устроились на маленьком пляже, похожем на уютный уголок, окруженный гранитными скалами и огромностью Тихого океана со всем многообразием его словарей.

По транзистору моего друга слушали рок-энд-ролл и мрачно пили портвейн. Мы оба пали духом. Я тоже не знал, что он собирается делать с остатком своей жизни.

Я еще отхлебнул портвейна. По радио «Пляжные мальчики»⁹ пели песню о калифорнийских девушках. Они им нравились.

Глаза его были мокрыми ранеными ковриками.

Я пытался утешить его, словно какой-то странный пылесос. Читал ему те же остохреневшие ектеньи, которые принято читать людям, если хочешь помочь их разбитым сердцам, но никакие слова тут не помогут.

Вся разница только в звуке другого человеческого голоса. Что б ни собирался сказать, никакого счастья человеку не будет, если ему дерьмово оттого, что он потерял того, кого любит.

В конце концов мы подожгли радиоприемник. Друг обложил его бумажками. Чиркнул спичкой. Мы сидели и смотрели. Я никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь поджигал радио.

Пока приемник кротко догорал, языки пламени влияли на те песни, которые мы слушали. Песня, стоявшая номером 1 в «Лучших 40», вдруг сама в себе упала до № 13. № 9 стал № 27 посреди припева о том, как кого-то любить. Они спотыкались в популярности, как сломанные птицы на лету. А потом уже им всем стало слишком поздно.

⁹ «The Beach Boys» (с 1961) – американская рок-группа, в начале карьеры особенно воспевавшая пляжный стиль жизни: море, пляжи, солнце, сёрф и спортивные автомобили.

Эльмира

Будто в грезе юного американского принца-охотника за утками, я возвращаюсь в Эльмиру и вновь стою на мосту через реку Лонг-Том. Здесь всегда конец декабря, вода высока и грязна, из холодных глубин своих шевелит темными безлистыми ветвями.

Иногда на мосту идет дождь, а я смотрю вниз по течению – туда, где река впадает в озеро. В моей грезе всегда есть топкое поле, окруженное старой черной деревянной изгородью, и ветхий сарай – сквозь стены и крышу пробивается свет.

Мне тепло и сухо под чистыми слоями королевского белья и непромокаемой одеждой.

Иногда там холодно и ясно, и я вижу свое дыхание, а на мосту иней, и я смотрю вверх по течению – в древесные заросли, что тянутся в горы на много миль, туда, где берет начало река Лонг-Том.

Иногда на заиндевевшем мосту я пишу свое имя. Выписываю его очень аккуратно, а иногда еще пишу по инею «Эльмира» – так же аккуратно.

У меня всегда с собой двустольный дробовик шестнадцатого калибра и горсти патронов в карманах... патронов, пожалуй, слишком много, потому что я подросток, немудрено разволноваться, что их не хватит, и патроны тянут меня к земле.

Карманы набиты таким грузом свинца, что я почти как глубоководный ныряльщик. Иногда я даже хожу смешно, потому что в карманах слишком много патронов.

На мосту я всегда один, и всегда над мостом высоко-высоко летит к озеру стайка диких уток.

Иногда я смотрю на дорогу, не едет ли машина, и если машина не едет, стреляю в уток, но они слишком высоко, и мой выстрел ничего не сделает, разве что досадит им чуть-чуть.

Иногда едет машина, и я просто смотрю, как утки летят вдоль реки, а выстрел оставляю при себе. Вдруг едет помощник шерифа или егеря? Где-то у меня в голове сидит мысль, что с моста стрелять уток нельзя.

Интересно, правда ли.

Иногда я не смотрю, едет ли по дороге машина. Утки слишком высоко, до них не добьешься. Я знаю, что зря потрачу патрон, так что пусть себе летят.

Утки – всегда стая жирных крикв, только что из Канады.

Иногда я иду через крошечный городишко Эльмира, и он очень тих, потому что утро совсем раннее, и забыт Богом под дождем или на морозе.

Каждый раз, проходя через Эльмиру, я останавливаюсь и смотрю на местную среднюю школу. Классы всегда пусты, внутри темно. Кажется, там вообще не учатся, и темнота никогда не уходит, потому что нет причин зажигать свет.

Иногда я не иду в Эльмиру. Я перелезаю деревянную черную изгородь и иду по топкому полю, мимо просветленного ветхого сарая вдоль реки к озеру, надеясь на хорошую утиную охоту.

Всякий раз зря.

Эльмира очень красивая, но с охотой мне там не везет.

Я всегда еду в Эльмиру стопом миль двадцать. Стою на морозе или под дождем, с дробовиком, в королевском одеянии для утиной охоты, люди останавливаются и подбирают меня – так я и попадаю в Эльмиру.

– Куда едешь? – спрашивают они, когда я залезаю в машину. Я сижу рядом, дробовик скипетром балансирует между ног, и стволы целятся в крышу. Ружье наклонено, стволы целятся в крышу над пассажиром, а пассажир всегда я.

– В Эльмиру.

Кофе

Иногда жизнь сводится к банальному кофе – и к той степени близости, до которой чашка кофе позволяет дойти. Однажды я где-то читал о кофе. Дескать, полезен и стимулирует организм.

Сперва я подумал, что странно сводить все лишь к этому – странно и как-то невкусно; однако со временем стал замечать, что в каком-то, пускай не очень широком смысле, это действительно так. Сейчас объясню.

Вчера утром я отправился к одной девушке. Она мне нравится. Что бы ни связывало нас когда-то – всё теперь в прошлом. Ей наплевать на меня. Я упустил ее и теперь жалею об этом.

Я позвонил и в ожидании замер на лестнице. Было слышно, как она двигается там, наверху. Судя по звукам, только что встала. Я ее разбудил.

Потом она стала спускаться. Ее приближение я ощущал всем нутром. С каждым ее шагом мои кишки напрягались, притягивая ее все ближе к двери и заставляя-таки мне открыться. Она увидела меня, и это ее не обрадовало.

А когда-то давным-давно это обрадовало ее очень сильно. На прошлой неделе. А я все пытаюсь понять, куда это делось, притворяясь наивным.

– Как-то мне странно сейчас, – сказала она. – Я не хочу разговаривать.

– А я хочу кофе, – сказал я, потому что именно кофе хотел сейчас меньше всего на свете. Я сказал это так, словно зачитывал чужую телеграмму – от человека, который действительно хотел чашку кофе, а на остальное ему наплевать.

– Хорошо, – сказала она.

Я поднялся за ней по ступенькам. Все было нелепо. Она еле успела одеться, и одежда еще не приспособилась к ее телу. О ее заднице я рассказал бы отдельно. Мы прошли в кухню.

Она взяла с полки банку растворимого кофе и выставила на стол. Поместила рядом чашку и ложечку. Я поглядел на все это. Она водрузила на плиту кастрюлю с водой и разожгла под ней огонь.

За все это время она не сказала ни слова. Одежда приспособилась-таки к ее телу. Я – никогда. Она вышла из кухни.

Затем спустилась по лестнице и вышла наружу проверить, нет ли почты. Не помню, чтобы я заметил что-нибудь в ящике. Она поднялась обратно и ушла в соседнюю комнату. И закрыла за собой дверь. Я поглядел на кастрюлю с водой.

Я знал, что пройдет целый год прежде, чем вода закипит. Теперь стоял октябрь, и в кастрюле было слишком много воды. Вот в чем проблема. Я слил полкастрюли в раковину.

Теперь вода должна закипеть быстрее. Через каких-нибудь полгода. Дом молчал.

Я выглянул на задний двор. Там стояли пакеты с мусором. Я поглядел на мусор – и исследовал все упаковки, ошметки и прочий хлам, пытаюсь вычислить, что она ела все это время. Я ничего не понял.

Наступил март. Вода начала закипать. Я обрадовался.

Я поглядел на стол. Банка растворимого кофе, пустая чашка и ложка напоминали набор инструментов могильщика. Все, что вам нужно для приготовления одной чашки кофе.

Десять минут спустя, уходя из этого дома с чашкой кофе, погребенного во мне, как в могиле, я сказал ей:

– Спасибо за кофе.

– Пожалуйста, – ответила она. Через закрытую дверь. Словно зачитывала ответную телеграмму. Мне действительно пора было уходить.

Больше в тот день я не готовил кофе. И ощущал себя очень легко. Пришел вечер, я поужинал в ресторане и отправился в бар. Что-то выпил, с кем-то поговорил.

Обычные ребята за стойкой, обычная болтовня в баре. Ничего не запомнилось, бар закрылся. Два часа ночи. Мне захотелось проветриться. В Сан-Франциско стояли колотун и туман. Я поражался туману и ощущал себя очень живым и раздетым.

Я решил навестить еще одну девушку. С ней мы не были друзьями вот уже больше года. А однажды были очень близки. Мне захотелось узнать, о чем она сейчас думает.

Я пришел к ее дому. Звонка на ее двери не было. Уже небольшая победа. Неплохое занятие – вести счет своих небольших побед. Я, по крайней мере, веду.

Она отворила. Еле прикрывшись спереди халатиком. Она увидела меня и не поверила, что это я.

– Что тебе нужно? – спросила она, поверив-таки, что это я. Я вошел.

Она посторонилась и закрыла дверь, повернувшись так, чтобы я увидел ее профиль. Даже не позаботилась завернуться в халатик полностью. Просто прикрывалась им спереди, и всё.

Я видел линию ее тела, ничем не прерываемую, от головы до пят. Выглядело как-то странно. Возможно, потому, что было уже слишком поздно.

– Чего ты хочешь? – спросила она.

– Я хочу кофе, – сказал я. Какой все-таки дурацкий ответ, если кофе – совсем не то, чего действительно хочешь.

Она посмотрела на меня и опять показала мне профиль. Мой приход ее вовсе не радовал. Пусть наша великая медицина доказывает, что время лечит. Я скользнул глазами по безупречной линии ее тела.

– Как насчет чашечки кофе? – спросил я. – Я хочу поговорить с тобой. Мы не разговаривали уже тысячу лет.

Она поглядела на меня и опять повернулась в профиль. Я все глядел на линию ее тела. Плохи дела.

– Слишком поздно, – сказала она. – Завтра мне рано вставать. Хочешь кофе – там растворимый на кухне. Я пошла спать.

Свет на кухне еще горел. Я заглянул через коридор на кухню. Мне больше не хотелось идти на очередную кухню и готовить очередной кофе для себя самого. Вообще расхотелось куда-то идти и просить кого-то о кофе.

Я понял, что прошедший день обернулся каким-то странным паломничеством – хотя я вовсе не это имел в виду. Слава богу, хоть на этом столе я не обнаружил банки кофе и пустой белой чашки с ложечкой.

Говорят, весной голова молодого мужчины заполняется фантазиями о любви. Останься у него чуть больше времени – кто знает, может, там хватило бы места и на чашку кофе?

Утраченные главы «Рыбалки в Америке». «Речушка Рембрандта» и «Сток Карфагена»

Две эти главы потерялись в конце зимы – начале весны 1961 года. Я их везде искал, но нигде не мог найти. Понятия не имею, почему не переписал их заново, как только понял, что они потерялись. Загадка, что и говорить, но я этого не сделал, и теперь, восемь лет спустя, решил вернуться в ту зиму, когда мне было двадцать шесть, я жил в Сан-Франциско на Гринич-стрит, был женат, у меня имелась малышка-дочь, а я написал эти две главы во имя видения Америки и потом их потерял. Теперь я туда возвращаюсь – посмотрим, удастся ли мне их отыскать.

Речушка Рембрандта

Речушка Рембрандта выглядела в точности как ее название и протекала в заброшенной местности, где зимы стояли очень гадкие. Речушка начиналась на высокогорном лугу, окруженном соснами. Настоящего света дня после этого она, пожалуй, и не видела, поскольку, собравшись в один поток из маленьких луговых ручейков, стекала среди сосен в темную чашобу каньона, тянувшегося по краю гор.

Речушку наполняла маленькая форель – такая дикая, что почти не боялась, если подходишь к воде, останавливаешься и смотришь на рыбок.

Я никогда не ловил ее – ни в классическом, ни даже в функциональном смысле. Да и вообще знаю про эту речушку только потому, что мы ставили на ней палатку, когда уходили охотиться на оленей.

Нет, для меня эта речка не была рыбной – мы лишь брали из нее воду для лагеря, а носил ее, кажется, в основном я. А также мыл в этой речке горы посуды, потому что был совсем подростком, и легче заставить это делать меня, чем мужиков, которые старше и мудрее: им требовалось время, чтобы пораскинуть мозгами о том, куда могут забрести олени, а также выпить виски – оно, кажется, помогало течь мыслям об охоте и других вещах.

– Эй, пацан, вытаскивай-ка голову из задницы да сходи сделай чего-нибудь с этими тарелками, – так говорил один из старейшин охоты. Голос его до сих пор раздается на тропах охотничьего мрамора, цветного от звуков.

Я часто вспоминаю речушку Рембрандта – она была похожа на картину, что висит в самом большом музее мира, чья крыша достает до звезд, а галереям ведомо мельтешенье комет.

Ловил рыбу я в ней всего один раз.

Снастей у меня не было – только «винчестер» 30:30, – поэтому я взял ржавый гнутый гвоздь, привязал к нему белую бечевку, точно призрак своего детства, и попробовал поймать на него форельку, насадив на гвоздь кусок оленины. Почти поймал – выхватил из воды, но она сорвалась с гвоздя и снова упала в картину, а та унесла ее прочь с моих глаз, снова вернула в Семнадцатый Век, где место ей – на мольберте человека по фамилии Рембрандт.

Сток Карфагена

Река Карфаген с ревом вырывалась из-под земли: ее источник напоминал дикий колодец. После чего она заносчиво текла десяток миль по открытому каньону, а затем просто исчезала в земле. Это место называлось Сток Карфагена.

Река любила всем рассказывать (а все – это небо, ветер, несколько деревьев, что росли рядом, птицы, олени и даже звезды, как ни трудно в это поверить), до чего она великая.

– Я с ревом вырываюсь из-под земли и с ревом возвращаюсь под землю. Я – владычица собственных вод. Я себе и мать, и отец. Мне не нужна ни единая капля дождя. Поглядите на мои гладкие, сильные, белые мускулы. Я сама себе будущее!

Такие разговоры вела река Карфаген тысячи лет. Что и говорить: всем (а все – это небо и т. д.) она осточертела по самое не хочу.

Птицы и олени старались держаться от этих мест как можно дальше. Звездам пришлось занять выжидательную позицию, а ветра в этой местности стало заметно меньше; ветра испускала только река Карфаген.

Даже форель, что обитала в ней, стыдилась реки и всегда радовалась, что нужно умирать. Ничего нет хуже, чем жить в хвастливой реке.

А однажды река Карфаген, по обыкновению хвалясь своим величием, на полуслове пересохла:

– Я – владычица... – И просто остановилась.

Невероятно. Ни капли воды больше не выходило из земли, а сток ее вскоре превратился в струйку, сочившуюся, будто сопливый пацанячий нос.

По иронии воды вся гордыня реки Карфаген пропала и в каньон вернулось хорошее настроение. Сюда вдруг снова слетелись счастливые птицы – посмотреть, что стало с этим местом, – поднялся сильный ветер, и даже звезды, кажется, высыпали на небо раньше – кинуть взгляд вниз и блаженно улыбнуться.

В нескольких милях отсюда, в горах бушевала летняя гроза, и река Карфаген взмолилась, чтобы ливень прилетел и спас ее.

– Прошу тебя, – попросила река, хотя от ее голоса осталась лишь тень шепота. – Помоги. Мне нужна вода. Моя форель умирает. Посмотри только на этих бедных рыбок.

Гроза посмотрела на форель. Рыбки были очень довольны тем, что всё так обернулось, хотя скоро все они умрут.

Грозе пришлось сочинить какую-то невероятно запутанную историю о том, как ей нужно навестить чью-то бабушку, у которой сломался морозильник для мороженого, и, чтобы его починить, зачем-то требуется очень много дождей.

– Но, может быть, через несколько месяцев нам удастся встретиться. Перед тем, как прийти, я позвоню тебе по телефону.

А на следующий день, конечно, было 17 августа 1921 года, и на машинах съехалось множество народу из города и прочих мест. Они смотрели на бывшую реку и в изумлении качали головами. К тому же, с собою у них была масса корзинок с провизией.

В местной газете появилась статья с двумя фотографиями: на них изображались две пустые дыры в земле, которые раньше были источником и стоком реки Карфаген. Дыры выглядели, как ноздри.

Еще на одном снимке на лошади сидел ковбой. В одной руке у него был зонтик, а другой он показывал в глубины Стока Карфагена. Выглядел очень серьезно. Фотография должна была смешить людей, и у нее это прекрасно получалось.

Ну вот, теперь у вас есть утраченные главы «Рыбалки в Америке». По стилю они, наверное, немного отличаются, потому что и я сам сейчас изменился – мне тридцать четыре года. К тому же, в самом начале я, наверное, и написал их немного иначе. Интересно, что в 1961 году переписывать их я не стал, а дожидался 4 декабря 1969 года, почти десять лет спустя, чтобы вернуться и попробовать забрать их с собой.

Погода в Сан-Франциско

Стоял облачный день, и мясник-итальянец продавал фунт мяса очень старой женщине, только скажите на милость, на что такой старухе сдался фунт мяса?

Куда ей столько мяса – она же совсем старая? Может, она брала его для пчелиного роя, дома у нее этого мяса ждут пять сотен золотых пчел, набитых медом.

– Вам какого сегодня мяса? – спросил мясник. – У нас есть неплохой фарш. Постный.

– Не знаю, – ответила она. – Фарш – не совсем то.

– Ну да, постный. Сам рубил. И положил побольше постного мяса.

– Фарш – совсем не то, – сказала она.

– Ну да, – сказал мясник. – Фарш сегодня – самое оно. Вы в окно посмотрите. Облачно. У облаков внутри дождь. Я бы взял фарш, – сказал он.

– Нет, – сказала она. – Не хочу фарша и не думаю, что пойдет дождь. Я думаю, вылезет солнце, день будет прекрасный, а я хочу фунт печенки.

Мясника это потрясло. Продавать печенку старухам, считал он, никуда не годится. Как-то это его нервировало. Расхотелось с ней разговаривать.

Он неохотно отрезал фунт печенки от огромной красной глыбы, завернул его в белую бумагу и положил в коричневый пакет. Все это было ему крайне неприятно.

Потом он взял у старухи деньги, отсчитал сдачу и ретировался в отдел птицы, чтобы как-то взять себя в руки.

Шевеля своими костями, точно корабельными парусами, старуха вышла на улицу. Она победно несла печенку до подножия очень крутого холма.

Она взбиралась на холм с трудом – она же была очень стара. Уставала, приходилось останавливаться. Пока не добралась до вершины, отдыхала много раз.

На вершине холма стоял старухин дом: высокий, каких много в Сан-Франциско, с эркерами, отражавшими облачный день.

Она открыла сумочку, что была как осеннее поле, и вблизи от упавших веток старой яблони нашла ключи.

Затем открыла дверь. Дверь была ей любимым надежным другом. Старуха кивнула двери, вошла в дом и по длинному коридору направилась в комнату, полную пчел.

Пчелы были повсюду. Пчелы на стульях. Пчелы на фотографии покойных родителей. Пчелы на занавесках. Пчелы на допотопном радио, что когда-то слушало тридцатые годы. Пчелы на старухиной расческе и щетке, точно в сотах.

Пчелы бросились к старухе и преданно толпились вокруг, пока она разворачивала печенку и выкладывала ее на облачное серебряное блюдо, что вскоре прояснилось солнечным днем.

Сложные банковские загвоздки

У меня есть счет в банке, потому что я устал закапывать деньги на заднем дворе, а кроме того произошло кое-что еще. Несколько лет назад я закапывал там деньги и наткнулся на человеческий скелет.

У скелета в одной руке были остатки лопаты, а в другой – полурастворившаяся банка кофе. Банка была набита какой-то ржавой пылью – наверное, когда-то ею были деньги. Поэтому я завел себе банковский счет.

Но и с ним, по большей части, не очень хорошо получается. Когда я стою в очереди к окошечку, передо мной почти всегда оказываются люди со сложными банковскими загвоздками. И мне приходится стоять и терпеть эти карикатурные финансовые распятия Америки.

Происходит примерно вот как. Передо мною стоят три человека. Мне нужно обналичить небольшой чек. Банковское обслуживание меня займет не больше минуты. Чек уже подписан. Он у меня в руке и смотрит прямо на кассиршу.

А в этот миг обслуживают клиента – даму пятидесяти лет. На ней длинное черное пальто, хотя стоит жара. Похоже, в пальто ей очень удобно, к тому же от нее странно пахнет. Несколько секунд я думаю об этом, а потом понимаю, что это – первый признак сложной банковской загвоздки.

Затем она лезет в складки своего пальто и извлекает тень холодильника, набитого прокисшим молоком и морковкой, которой уже исполнился год. Она хочет положить эту тень на свой сберегательный счет. Бланк уже заполнила.

Я задираю голову к потолку банка и делаю вид, что это Сикстинская капелла.

Старушка изо всех сил вырывается, когда ее уволакивают. Весь пол в крови. Она откусила охраннику ухо.

Мужества ей не занимать, это уж точно.

Чек у меня в руке – на десять долларов.

Следующие два человека в очереди – на самом деле один. Это пара сиамских близнецов, но у каждого – своя банковская книжка.

Один кладет на сберегательный счет восемьдесят два доллара, а второй свой закрывает. Кассирша отсчитывает ему 3574 доллара, и он кладет деньги в карман штанов на свой половине.

На все это уходит время. Я снова смотрю на потолок банка, но уже не могу притворяться, что это Сикстинская капелла. Чек мой весь пропитался потом, будто его выписали в 1929 году.

Последняя личность между мной и окошечком – совершенно безлика. Настолько безлика, что едва ли вообще там стоит.

Личность выкладывает на стойку 237 чеков и хочет положить их на текущий счет. Общая сумма на них – 489 000 долларов. Кроме того, у личности есть 611 чеков, которые она хочет положить на сберегательный счет. Эти – на сумму 1 754 961 доллар.

Его чеки застилают всю стойку, как особенно удачная выюга. Кассирша начинает свои подсчеты так, будто готовится бежать на очень длинную дистанцию, а я стою и думаю, что скелет на заднем дворе, наверное, все-таки принял верное решение.

Высотка в Сингапуре

Только высотка в Сингапуре сообщает какую-то красоту этому дню в Сан-Франциско, где я иду по улице – мне кошмарно и я наблюдаю, как мой разум функционирует с коэффициентом полезного действия жидкого карандаша.

Мимо проходит молодая мамаша – она разговаривает с маленькой девочкой, которая, на самом деле, еще слишком мала для бесед, но все равно рассказывает о чем-то мамаше, причем весьма возбужденно. Я не могу разобрать, что она говорит, такая она маленькая.

То есть, совсем еще малышка.

А потом мамаша ей отвечает, и мой день взрывается дурковатым фейерверком.

– Это была высотка в Сингапуре, – говорит она маленькой девочке, а та отвечает ей с большим воодушевлением, точно ярко раскрашенная звуками монетка:

– Да, это была высотка в Сингапуре!

Неограниченный запас 35-миллиметровой пленки

Люди не могут понять, зачем он с ней. Не доходит. Он такой симпатичный, а она – никакая. «Что он в ней нашел?» – спрашивают они себя и окружающих. Они знают, что дело не в том, как она готовит, потому что стряпуха из нее неважная. Наверное, единственное, что она может, – сварганить более-менее достойный мясной рулет. Она готовит его по вечерам каждый вторник, поэтому в среду на обед у него – сэндвич с мясным рулетом. Проходят годы. Они остаются вместе, а все пары их друзей распадаются.

Начальный ответ, как это часто бывает, лежит в постели, где они предаются любви. Постель становится кинотеатром, где он показывает фильмы своих сексуальных грез. Ее тело – мягкие ряды живых кресел, что подводят к влагилицу – теплому экрану его воображения, на котором он предается любви со всеми женщинами, кого видит и хочет, точно мимолетное ртутное кино, но она-то об этом ничего не знает.

Она знает только, что очень любит его, что он всегда ее радует, и ей с ним хорошо. Она не находит себе места уже в четыре, поскольку знает, что в пять он будет дома.

Он любил в ней сотни разных женщин. Все его мечты сбываются, пока она лежит в его касаньях, как простой и довольный кинотеатр, думая только о нем.

«И что он в ней видит?» – продолжают люди спрашивать себя и окружающих. Можно было б догадаться. Окончательный ответ очень прост. Всё у него в голове.

Дуэль Скарлатти ¹⁰

– Очень трудно жить в Сан-Хосе, в ателье с женщиной, который учится играть на скрипке. – Вот все, что сообщила она полиции, отдавая им револьвер с пустым барабаном.

¹⁰ Скорее всего имеется в виду итальянский композитор и виртуоз клавесина Джузеппе Доменико Скарлатти (1685–1757), сын итальянского композитора Алессандро Скарлатти (1660–1725). Все сонаты Скарлатти-мл. очень коротки, а в своей исполнительской манере он впервые ввел множество элементов современной техники игры на клавишных инструментах: арпеджио, повторения одной ноты, игру скрещенными руками и т. д.

Птицы поднебесные

*Мне б лучше жить в дыре вонючей,
где даже солнцу стрём светить
и где птицам поднебесным
не слышно, как я буду выть.*

Народная песня

Все правильно. Дети уже пару недель жаловались на телевизор. Картинка сдыхала, и смерть, о которой с такой нежностью говорил Джон Донн ¹¹, быстро надвигалась из-за края того, что показывали в тот вечер. Кроме того, по всей картинке пьяными кладбищами то и дело плясали полосы статики.

Мистер Хенли был простым американцем, но для деток эта соломинка оказалась последней. Он работал в страховой компании, не подпуская покойников к живым. Они хранились у него в разных ящиках. Все в конторе говорили, что у него большое будущее.

Однажды он вернулся с работы домой, а детки тут как тут, поджидают. В лоб ему все и выложили: либо он покупает новый телевизор, либо они пойдут в малолетние преступники.

И показали фотографию: пятеро малолетних преступников насилуют старушку. Один малолетний преступник лупил ее по голове велосипедной цепью.

Мистер Хенли немедленно принял ультиматум деток. Что угодно, только уберите эту кошмарную фотографию. Потом в комнату вошла жена и сказала ему самое приятное с тех пор, как у них родилось потомство:

– Купи детям новый телевизор. Ты человек или чудовище?

На следующий день мистер Хенли оказался перед универмагом «Фредерик Ворон». Вся витрина была заклеена огромной вывеской. Та поэтично гласила:

РАСПРОДАЖА ТЕЛЕВИЗОРОВ.

Он вошел и немедленно обнаружил видеососку с экраном в 42 дюйма и встроенными пуповинами кабелей. Продавец подошел к нему и продал ему телевизор, сказав просто:

– Здрасьте.

– Беру, – ответил мистер Хенли.

– Наличка или кредит?

– Кредит.

– У вас есть наша кредитная карта? – Продавец взглянул на ноги мистера Хенли. – Нет, у вас нет нашей кредитной карты. Оставьте мне свое имя и адрес, и телевизор будет ждать вас дома, когда вернетесь.

– А как же мой кредит? – спросил мистер Хенли.

– Это не составит труда, – ответил продавец. – В нашем кредитном отделе вас ждут.

– О, – сказал мистер Хенли.

Продавец показал, как пройти в кредитный отдел.

– Вас ждут.

И продавец был прав. За столом сидела прелестная девушка. Очень и очень симпатичная. Выглядела, как комбинация всех красивых девушек во всей рекламе сигарет и по телевизору в придачу.

Ух-х ты! Мистер Хенли вытащил пачку и закурил. Нет, он далеко не дурак.

Девушка улыбнулась и спросила:

¹¹ Джон Донн (1572–1631) – английский поэт-метафизик и мистик.

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Да. Я желаю купить телевизор в кредит, и мне бы хотелось открыть в вашем магазине счет. У меня постоянная работа, трое детей, я покупаю дом и машину. У меня хорошая кредитная история, – добавил он. – Долг уже 25 000 долларов.

Мистер Хенли рассчитывал, что девушка позвонит и проверит его кредитную историю или как-то иначе проверит, не наврал ли он про 25 000 долларов.

Она не стала.

– Ни о чем не беспокойтесь, – сказала она. Голос у нее и в самом деле приятный. – Телевизор уже ваш. Только пройдите вот сюда.

Она показала на комнату с очень славной дверью. Сама дверь в эту комнату будила чувства. Тяжелая, деревянная, с фантастическими волокнами по всему дереву – будто трещины землетрясения бегут по восходу солнца в пустыне. Волокна излучали свет.

Ручка на ней была из чистого серебра. Такую дверь мистеру Хенли всегда хотелось открыть. Его рука грезила о ее форме, пока в океане проходили миллионы лет.

Над дверью висела табличка:

КУЗНЕЦ

Мистер Хенли открыл дверь и вошел. Внутри его ждал человек. Человек сказал:

– Снимите, пожалуйста, ботинки.

– Я просто хочу подписать все бумаги, – ответил мистер Хенли. – У меня постоянная работа. Я буду платить вовремя.

– Об этом не беспокойтесь, – сказал человек. – Просто снимите обувь.

Мистер Хенли снял ботинки.

– И носки тоже.

Он повиновался и вовсе не подумал, что это странно: в конце концов, денег на телевизор у него тоже нет. Пол был вовсе не холодный.

– Какой у вас рост? – спросил человек.

– 5–11.

Человек подошел к конторскому шкафчику и вытащил ящик, на котором было написано «5–11». Потом извлек оттуда целлофановый пакет и закрыл ящик. Мистер Хенли решил было рассказать человеку какой-нибудь хороший анекдот, но немедленно забыл об этом.

Человек открыл пакет и вытащил тень огромной птицы. Развернул ее, будто пару брюк.

– Это что?

– Это тень птицы, – ответил человек, подошел к стулу, на котором сидел мистер Хенли, и положил тень птицы на пол к его ногам.

Потом извлек странный на вид молоток и вытащил из тени мистера Хенли гвозди, которыми та крепилась к его телу. Тень он сложил очень аккуратно и положил ее на стул рядом с мистером Хенли.

– Что вы делаете? – спросил тот. Он не боялся. Ему было любопытно.

– Надеваю на вас тень, – сказал человек и приколотил тень птицы к его ногам. По крайней мере, больно не было. – Ну вот и всё, – сказал человек. – Чтобы расплатиться за телевизор, у вас есть 24 месяца. Когда все выплатите, тени мы заменим обратно. Она неплохо на вас смотрится.

Мистер Хенли посмотрел на тень птицы, что росла из его человеческого тела. И впрямь неплохо, подумал он.

Когда он вышел из комнаты, прелестная девушка за столом сказала:

– Ну и ну – как вы изменились.

Мистеру Хенли понравилось, как она с ним разговаривает. За много лет супружеской жизни он и забыл, в чем на самом деле смысл секса.

Он полез в карман за сигаретой и обнаружил, что выкурил все. Ему стало очень неловко. Девушка смотрела на него так, точно он – маленький ребенок, поступивший как-то неправильно.

Зимний коврик

Мои верительные грамоты? Извольте. Они у меня в кармане. Вот: у меня в Калифорнии умерло много друзей, и я по-своему скорблю о них. Я ездил в «Лесную лужайку»¹² и носился там по всей территории, как непоседливый ребенок. Я прочел «Возлюбленную», «Смерть по-американски», «Бумажники в саванах» и свою любимую «После многих весен умирает лебедь»¹³.

Я наблюдал за людьми, стоявшими у катафалков перед моргами и руководившими похоронами по рации, точно они были офицерами метафизической войны.

А, ну да: еще я как-то шел с другом мимо ночлежки в Сан-Франциско, и оттуда как раз выносили труп. Труп был со вкусом задрапирован белой простыней, а пять или шесть статистов-китайцев взирали на него. Еще перед ночлежкой стояла очень медленная карета «Скорой помощи» – закон ей запрещал включать сирену или ездить быстрее тридцати семи миль в час, а также проявлять какую бы то ни было агрессивность в потоке уличного движения.

Мой друг посмотрел на труп этой леди или джентльмена, проходивший мимо, и сказал: – Смерть лишь на один шаг отличается от жизни в этой ночлежке.

Как видите, я в Калифорнии – знаток смерти. Мои верительные грамоты выдержат любую тщательнейшую проверку. Я квалифицирован пересказать вам другую историю – мне ее поведал друг, работающий садовником у очень состоятельной женщины в Приморском округе. У нее был девятнадцатилетний пес, которого она глубоко любила, и пес отвечал на эту любовь тем, что очень медленно умирал от старости.

Каждый день мой друг приходил на работу, и пес был еще чуточку мертвее. Все пристойные сроки смерти для пса уже давно прошли, но пес умирал так долго, что сбился с дороги к смерти.

В этой стране так происходит со многими стариками. Они становятся до того старыми и живут со смертью так долго, что сбиваются с пути, когда им настает срок умирать взаправду.

Иногда блуждают так годами. Видеть, как они всё живут и живут, ужасно. В конце концов, их сокрушает тяжесть собственной крови.

Как бы то ни было, женщина больше была не в силах наблюдать за сенильными страданиями своего пса и вызвала ветеринара, чтобы тот усыпил собаку.

Наказала моему другу сколотить для пса гробик. Он так и сделал, размыслив, что это, наверное, можно считать одной из побочных разновидностей калифорнийского садоводства.

Доктор смерти приехал к ней в поместье и вскоре оказался в доме, вместе с черным чемоданчиком. Это была ошибка. Нужно было взять с собой большую пастельную сумку. При виде черного чемоданчика старуха заметно побледнела. Ее испугала его ненужная реальность, и она отправила ветеринара восвояси со щедрым чеком в кармане.

Увы, отъезд ветеринара не решил основной задачи пса: он был так стар, что смерть стала образом жизни, и от акта умирания он отбил.

¹² «Forest Lawn» – небольшое кладбище в Тропико (Глендэйле), Калифорния. В 1913 г. куплено металлургическим магнатом из Миссури Хьюбертом Итоном, превратившим его впоследствии в крупный мемориально-развлекательный парк с фонтанами, певчими птицами, мавзолеями и копиями известных церквей мира. Несколько отделений кладбища по всему штату занимают 1200 акров. Итон первым ввел практику предварительной продажи могильных участков заказчикам и запретил использование искусственных цветов.

¹³ «The Loved One» (1948) – роман британского писателя-сатирика сэра Ивлиана Артура Сен-Джона Во (1903–1966), где высмеиваются погребальные обычаи Голливуда. «The American Way of Death» (1963) – разоблачающая похоронную индустрию США документальная книга американской писательницы Джессики Митфорд (1918–1996), принадлежавшей к школе «разгребателей грязи». «After Many a Summer Dies the Swan» (1939) – роман англо-американского писателя Олдоса Леонарда Хаксли (1894–1963), названный по строчке стихотворения «Титонус» (1860) английского поэта Алфреда лорда Теннисона (1809–1892).

На следующий день пес забрел в угол комнаты и не смог оттуда выйти. Простоял там много часов, пока не рухнул от изнеможения. По удачному стечению обстоятельств это случилось как раз в тот миг, когда в комнату вошла старуха – она искала ключи от своего «роллс-ройса».

Увидев, что пес растекся в углу по полу беспородной лужицей, она расплакалась. Его морда по-прежнему была прижата к стене, а глаза слезились как-то совсем по-человечьи – прожив с людьми слишком долго, собаки перенимают худшие их черты.

Старуха велела горничной отнести пса на коврик. У него имелся собственный китайский коврик, на котором он спал с тех самых пор, как был щенком в Китае еще до падения Чан Кайши¹⁴. В то время коврик стоил тысячу американских долларов, поскольку пережил династию-другую.

Теперь же он стоил гораздо больше – он был в довольно превосходном состоянии, вытерся и истаскался не больше, чем если бы пару веков его держали в кладовой замка.

Старуха вновь пригласила ветеринара, и тот приехал со своим черным чемоданчиком чудес, чтобы помочь псу снова найти путь к смерти, потерянный столько лет назад, – лет, что лишь привели его в ловушку в самом углу комнаты.

– Где же ваш любимец? – спросил ветеринар.

– На своем коврике, – ответила старуха.

Пес без сил раскинулся на прекрасных китайских цветах и предметах из иного мира.

– Прошу вас, сделайте это на коврике, – сказала она. – Мне кажется, ему бы это понравилось.

– Разумеется, – ответил врач. – Не беспокойтесь. Он ничего не почувствует. Все безболезненно. Как будто засыпает.

– Прощай, Чарли, – сказала старуха. Пес ее, конечно, не услышал. Он был глух с 1959 года.

Попрощавшись с псом, старуха удалилась в постель. Вышла из комнаты, едва ветеринар открыл свой черный чемоданчик. Ему крайне требовалась помощь специалиста по связям с общественностью.

После этого мой друг внес гробик в дом, чтобы забрать пса. Горничная завернула его тело в коврик. Старуха настояла на том, чтобы пса похоронили вместе с ковриком, головой на запад, к Китаю, а могилу выкопали возле розария. Мой друг похоронил пса головой к Лос-Анджелесу.

Вынося гроб в сад, он не утерпел и заглянул внутрь – посмотреть на тысячедолларовый коврик. Прекрасный орнамент, сказал он себе. Немножко почистить пылесосом, и будет как новенький.

Вообще-то мой друг не относится к людям сентиментальным. «Тупая дохлая псина! – говорил он самому себе, подходя к могиле. – Проклятая дохлятина!»

– Но я это сделал, – рассказывал он мне. – Я похоронил пса вместе с ковриком, и даже сам не знаю почему. Этот вопрос буду задавать себе вечно. Иногда зимой, когда ночью льет как из ведра, я думаю о том коврике в могиле, в который завернут мертвый пес.

¹⁴ Чан Кайши (1887–1975) – китайский военачальник и политический деятель, возглавивший националистическое восстание против коммунистического режима и изгнанный с материковой территории Китая на Тайвань в 1949 г.

Машинистка Эрнеста Хемингуэя

Звучит, как церковная музыка. Мой друг только что вернулся из Нью-Йорка, где для него печатала машинистка Эрнеста Хемингуэя.

Писатель он успешный, подыскал себе абсолютно лучшую машинистку, и так вышло, что она печатала и для Эрнеста Хемингуэя. Как подумаешь – захватывает дух, легкие застывают безмолвным мрамором.

Машинистка Эрнеста Хемингуэя!

Сбывшаяся мечта любого молодого писателя: руки ее подобны клавесину, бесконечно пристальный взгляд, а затем веский грохот пишущей машинки.

Он платил ей пятнадцать долларов в час. Больше, чем получает водопроводчик или электрик.

\$120 в день! машинистке!

Он говорил, что она делает всё. Отдаешь ей рукопись, и, о чудо, получаешь красивые правильные орфографию и пунктуацию, до того прекрасные, что слезы наворачиваются на глаза, и абзацы, подобные греческим храмам, и она даже заканчивает за тебя фразы.

Она – машинистка.

Она – машинистка Эрнеста Хемингуэя.

В знак почтения к ИМКА¹⁵ В Сан-Франциско

Давным-давно в Сан-Франциско жил-был человек, который по-настоящему любил красоту, особенно поэзию. Любил хорошую строфу.

Он мог позволить себе потакать этой склонности, то есть не обязан был работать, поскольку получал щедрую ренту – плоды удачной инвестиции его деда, который в 1920-х годах вложил деньги в частный дурдом, весьма прибыльное предприятие в Южной Калифорнии.

Наваристый бизнес, что называется, и расположен в долине Сан-Фернандо, прямо под Тарзаной. Из тех заведений, что на вид – вообще не дурдом. На вид совсем другое, и повсюду цветы, в основном розы.

Чеки неизменно приходили 1-го и 15-го числа каждого месяца, даже если почту в эти дни не доставляли. У человека был чудесный дом в Пасифик-Хайтс, человек выходил в город и покупал еще и еще стихов. С живыми поэтами он, конечно, никогда не встречался. Это все же было бы немножко чересчур.

Однажды он решил, что его любовь к поэзии невозможно выразить, просто читая стихи или слушая, как их читают поэты на грампластинках. Он решил убрать из дома всю сантехнику и заменить ее поэзией. Так он и сделал.

Он отключил воду, убрал трубы и заменил их Джоном Донном. Трубы как-то не обрадовались. Вместо ванны он установил Уильяма Шекспира. Ванна вообще не поняла, что происходит.

Он снял кухонную раковину, а вместо нее прикрутил Эмили Дикинсон. Кухонная раковина в ответ только изумленно тарасилась. Он убрал раковину в ванной и поставил туда Владимира Маяковского. Раковина из ванной разразилась слезами, хотя вода и была перекрыта.

Он убрал водонагреватель и заменил его стихами Майкла Макклюра¹⁶. Водонагреватель чуть не лишился рассудка. Наконец, человек снял унитаз и заменил его второстепенными поэтами. Унитаз решил эмигрировать.

Настало время посмотреть, как это все работает, – насладиться плодами дивных трудов. По сравнению с ними несерьезная авантюра уплывшего на Запад Христофора Колумба – лишь безотрадная тень. Человек включил воду и узрел лик своей мечты, воплощенной в реальности. Он был счастлив.

– Пожалуй, приму ванну, – решил он, – надо же отпраздновать.

Он попытался подогреть Майкла Макклюра, чтобы принять ванну в Уильяме Шекспире, но случилось не совсем то, что он планировал.

– Ну, тогда можно вымыть посуду, – сказал он.

Он попытался помыть тарелки в «Я пью нерукотворный хмель»¹⁷ и обнаружил, что между этим хмелем и кухонной раковиной – большая разница. Отчаяние уже выступило в путь.

Он попробовал сходить в туалет, и второстепенные поэты категорически не справились. Пока он пытался посрать, они сплетничали о своих карьерах. Один написал 197 сонетов о пингвине, которого видел однажды в бродячем цирке. В этом своем материале он чуял Пулитцеровскую премию.

¹⁵ ИМКА (YMCA) – английская аббревиатура Юношеской христианской ассоциации, неполитической международной организации волонтеров, основанной в 1851 г.; занимается проектами в области образования, спорта, общественного здоровья, а также предоставляет недорогое жилье для уязвимых социальных групп.

¹⁶ Майкл Макклюр (1932–2020) – американский поэт-битник, писатель и драматург.

¹⁷ Цитируется стихотворение американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830–1886) «I taste a liquor never brewed», перев. А. Величанского.

Внезапно человек сообразил, что поэзия не заменит сантехники. У него, что называется, открылись глаза. Он решил немедленно поубирать все стихи и вернуть на место трубы вместе с раковинами, ванной, водонагревателем и унитазом.

– План не выгорел, – сказал человек. – Верну сантехнику. Стихи уберу.

Что было разумно – он остался гол в абсолютном свете провала.

Но тут возникли новые проблемы, еще серьезнее. Поэзия убираться не желала. Ей очень понравилось занимать место бывшей сантехники.

– Мне очень идет быть кухонной раковиной, – сказала поэзия Эмили Дикинсон.

– Мы прекрасно смотримся унитазом, – сказали второстепенные поэты.

– Мы – великолепные трубы, – сказали стихи Джона Донна.

– Мы идеальный водонагреватель, – сказали стихи Майкла Макклюра.

Владимир Маяковский пропел из ванной новые вентили, это были вентили по ту сторону страданий, а стихи Уильяма Шекспира только улыбались.

– Это все мило и классно, – сказал человек. – Но мне нужна сантехника, *реальная* сантехника. Вы обратили внимание, что я подчеркнул слово «реальная»? Реальная! Стихи так не умеют! Посмотрите в глаза реальности, – сказал человек стихам.

Но стихи отказались уходить:

– Мы остаемся.

Человек сказал, что вызовет полицию.

– Валяй, упрячь нас в тюрьму, невежда, – в один голос сказали стихи.

– Я позвоню пожарным!

– Поджигатель книг! – завопила поэзия.

Тогда человек подрался со стихами. Дрался он впервые в жизни. Он дал по носу поэзии Эмили Дикинсон.

Разумеется, к нему подошли стихи Майкла Макклюра и Владимира Маяковского, сказали по-английски и по-русски: «Так не годится» и спустили человека с лестницы. Он все понял.

Было это два года назад. Теперь человек живет в ИМКА в Сан-Франциско и доволен. Он дольше всех сидит в ванной. Приходит туда по ночам и разговаривает сам с собой, не зажигая света.

Красивая контора

Когда я впервые проходил мимо, это была обыкновенная контора – столы, пишмашинки, картотеки, телефоны, которые звонят, и люди, которые снимают трубки. Работали там полдюжины женщин, но ничто не отличало их от миллионов конторских служащих Америки, и красавиц там не водилось.

Все мужчины в конторе успели дожить до плюс-минус средних лет и ничем не выдавали, что в юности были красавцами или хоть кем. Имена таких людей не запоминаешь.

Делали они то, что положено делать в конторах. На окне и над дверью не было вывесок, поэтому я так и не узнал, чем все эти люди занимались. Может, у них там был филиал большого предприятия, которое находилось еще где-нибудь.

Эти люди, похоже, знали, что делают, и я решил, что ну и ладно, просто дважды в день ходил мимо: по дороге на работу и с работы домой.

Прошел где-то год, контора не менялась. Те же люди и некая суэта: один из множества уголков вселенной.

Но как-то раз я шел мимо по дороге на работу, а все обычные женщины из конторы исчезли – испарились, будто сам воздух предложил им новые должности.

Пропали без следа, а вместо них явились шесть очень красивых девушек: блондинки, брюнетки, и еще, и еще, всевозможные красивые лица и тела, восхитительная женственность того и этого, элегантная одежда как раз по фигурам.

Большие дружелюбные груди, и маленькие чудные грудки, и попки, соблазнительные все до одной. Куда ни посмотри, обнаруживалось нечто чудесное в форме женщины.

Что случилось? Куда делись прежние женщины? Откуда взялись эти? Все они были, похоже, не из Сан-Франциско. Кто это придумал? Это что же, таков на деле был замысел Франкенштейна? Боже мой, как мы все ошибались!

И вот уже год пять дней в неделю я хожу мимо конторы, пристально гляжу в окно на всех этих красавиц, чем-то там занятых, и недоумеваю.

Может, жена босса, – который из них босс, кто у них кто? – умерла, и все это – его месть за долгие пресные годы, сведение, что называется, счетов, или, может, ему просто надоело смотреть по вечерам телевизор?

Ну, или я не знаю, что у них там произошло.

Длинноволосая блондинка снимает телефонную трубку. Очаровательная брюнетка убирает что-то в картотеку. Девушка с безупречными зубами, типичная чирлидерша, трет что-то ластиком. Экзотическая брюнетка несет через контору книгу. Таинственная маленькая девушка с очень большой грудью закатывает лист бумаги в пишущую машинку. Высокая девушка с восхитительным ртом и великолепным задом приклеивает марку на конверт.

Красивая контора.

Требуются огороды

Когда я туда добрался, они снова хоронили льва на заднем дворе. Как всегда, могилу выкопали наспех, лев в ней все равно бы не поместился, и копали на редкость непрофессионально, а теперь в эту халтурную ямку пытались запихнуть льва.

Как всегда, лев сносил это вполне стоически. За последние два года льва хоронили по меньшей мере раз пятьдесят, так что к своим похоронам на заднем дворе он привык.

Я помню, как его хоронили впервые. Тогда он не понимал, что творится. Он был юным львом, пугался и нервничал, но теперь он понимал, что творится, потому что стал взрослым львом и хоронили его уже не раз.

Он рассеянно скучал, а они крест-накрест сложили ему передние лапы на груди и принялись забрасывать морду землей.

По правде говоря, дело было безнадежное. Лев ни за что не влез бы в яму. Он и раньше не помещался в яму на заднем дворе и никогда не поместится. Они просто не в состоянии выкопать яму, в которой можно похоронить этого льва.

– Привет, – сказал я. – Яма слишком маленькая.

– Салют, – ответили они. – Нормальная.

Так мы здоровались вот уже два года.

Где-то час я стоял и смотрел, как они отчаянно пытаются похоронить льва, но похоронить им удалось лишь 1/4 льва, а потом они в раздражении сдались и столпились, коря друг друга за то, что не выкопали яму побольше.

– Может, вам в следующем году разбить огород? – сказал я. – По-моему, тут отлично уродится морковь.

Их это не очень рассмешило.

Старый автобус

Я поступаю как все: живу в Сан-Франциско. Иногда Мать-Природа вынуждает меня садиться в автобус. К примеру, вчера. Направлялся я далеко, на Клей-стрит, ногам моим такая задача была не под силу, так что я ждал автобуса.

Не сказать, что я страдал: был чудесный теплый осенний день, неистово ясный. Еще автобуса ждала старуха. Как говорится, ничего такого. С большой сумкой и в белых перчатках, которые овощной шкуркой обтягивали ей руки.

На заднем сиденье мотоцикла проехал китаец. Я очень удивился. Я раньше никогда не думал о китайцах на мотоциклах. Порой реальность обнимает тебя ужасно крепко, как овощные шкурки – руки той старухи.

Я обрадовался, когда пришел автобус. Когда появляется твой автобус, наступает какое-то счастье. Очень крохотное и специфическое счастье, конечно, и великим счастьем ему не стать.

Я пропустил старуху вперед и вошел за ней в классической средневековой манере, и меня в автобус провожали этажи замка.

Я кинул пятнадцать центов и, как обычно, получил билет на пересадку, хотя он мне не нужен. Я всегда беру билет на пересадку. Он занимает мне руки, пока я еду в автобусе. Мне *нужно* чем-то заниматься.

Я сел, оглядел пассажиров и спустя примерно минуту понял: с автобусом что-то не то. Остальным пассажирам понадобилось примерно столько же, чтобы понять: с автобусом что-то не то, и это не то – я.

Я был молод. В автобусе ехало человек девятнадцать, и всем, мужчинам и женщинам, было за шестьдесят, за семьдесят, за восемьдесят, и только мне за двадцать. Они смотрели на меня, а я на них. Нам было неловко и неуютно.

Как это случилось? Почему мы вдруг оказались пешками жестокой судьбы и теперь не могли отвести друг от друга глаз?

Мужчина лет семидесяти восьмью принялся отчаянно стискивать отворот плаща. Женщина лет шестидесяти трех начала белым носовым платком вытирать руки, палец за пальцем.

Было страшно неприятно так жестоко и необычайно напоминать им о потерянной юности, о том, что годы их изящества миновали. Зачем нас смешало в этот жуткий салат, сервированный на сиденьях проклятого автобуса?

Я вышел из автобуса на первой же остановке. Все были рады, что я уйду, и я – больше всех.

Пока автобус не исчез из виду, я стоял и смотрел ему вслед, а он увозил свой странный груз в целостности и сохранности все дальше и дальше по дороге времени.

Призраки детей Такомы

Дети Такомы, штат Вашингтон, пошли на войну в декабре 41-го. Казалось, это правильный поступок – пойти по стопам родителей и других взрослых, что вели себя так, будто знают, что происходит.

– Помните Пёрл-Харбор! – говорили они ¹⁸.

– Фиг ли! – отвечали мы.

Я в то время был ребенком, хотя сейчас похож на кого-то другого. У нас в Такоме шла война. Дети могут убивать воображаемых врагов так же неплохо, как взрослые настоящих. Война тянулась много лет.

За период Второй мировой войны я лично убил 352 892 неприятельских солдат, не ранив ни одного. Детям во время войны нужно гораздо меньше госпиталей, чем взрослым. Дети больше смотрят на это с точки зрения смерти-без-пощады.

Я потопил 987 линкоров, 532 авианосца, 799 крейсеров, 2007 эсминцев и 161 транспорт. Транспортные суда были не очень интересной мишенью: маловато азарта.

Кроме того, я потопил 5465 торпедных катеров. Понятия не имею, зачем понадобилось столько их топить. Но так бывает. Четыре года подряд, стоило мне обернуться – и я топил торпедный катер. Непонятно мне до сих пор. 5465 торпедных катеров – это много.

Я потопил только три подводные лодки. Субмарины просто не по моей части. Первую свою подлодку я потопил весной 1942-го. В декабре и январе толпы пацанов выскакивали на улицу и топили субмарины налево и направо. Я выжидал.

Выжидал я до апреля, а потом однажды утром по дороге в школу – БАБАХ! – моя первая подлодка, прямо напротив бакалейной лавки. Вторую я пустил на дно в 1944-м. Я мог себе позволить ждать следующей два года.

Последнюю подводную лодку я потопил в феврале 45-го, через несколько дней после того, как мне исполнилось десять. Подарки в том году меня не очень сильно удовлетворили.

А было еще небо! Я взмывал в него в поисках неприятеля, а гора Рейнир высилась на моем фоне, как холодный белый генерал.

Я был асом, я летал на «пи-38», «груммане дикой кошке», «мустанге пи-51» ¹⁹ и «мессершмитте». Да-да – на «мессере». Я захватил один и перекрасил в особый цвет, чтобы наши не пытались меня сбить по ошибке. Мой «мессершмитт» узнавали все, и враг большую цену платил за эти встречи.

Я сбил 8942 истребителя, 6420 бомбардировщиков и 51 дирижабль заграждения. Больше всего дирижаблей я сбил в самом начале военных действий. Позже, году в 43-м, перестал сбивать их вообще. Слишком медленные.

Кроме того, я уничтожил 1281 танк, 777 мостов и 109 нефтеперерабатывающих заводов, поскольку знал, что наше дело правое.

– Помните Пёрл-Харбор! – говорили нам.

– Ну еще бы! – отвечали мы.

Вражеские самолеты я сбивал, раскинув руки на бегу в стороны, а бежал я дьявольски быстро и орал во всю глотку: ТРА-тагтатататататататататататта!

¹⁸ «Remember Pearl Harbor» – лозунг, популярный в США после японской атаки на военную базу Пёрл-Харбор; считается, что в оборот его ввел командер Льюис Престон Хэррис.

¹⁹ «Lockheed P-38 Lightning» (1939) – американский тяжелый двухмоторный истребитель, в США состоял на вооружении с 1941 по 1949 г. «Grumman F4F Wildcat» (1937) – американский одноместный палубный истребитель-бомбардировщик, в США состоял на вооружении с 1940 по 1945 г. «North American P-51 Mustang» (1940) – американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия, состоял на вооружении с 1942 по 1984 г.

Дети больше так не делают. Теперь дети ведут себя иначе, а поскольку они ведут себя иначе, у меня случаются целые дни, когда я чувствую себя призраком ребенка – изучаю воспоминания об игрушках, заигранных до того, что снова стали землей.

Раньше я делал еще одну штуку, очень здоровскую для юного самолета. Отыскивал пару фонариков и зажженными держал их ночью в вытянутых руках – я был ночным пилотом и проносился по улицам Такомы.

В самолет я играл и дома: брал из кухни четыре стула и составлял вместе. Два стула смотрели в одну сторону и были фюзеляжем, и по стулу на каждое крыло.

Дома я чаще играл в пикирующий бомбардировщик. У стульев это почему-то получалось лучше всего. Моя сестра сидела на стуле прямо за моей спиной и передавала по рации срочные сообщения на базу.

– У нас осталась всего одна бомба, но авианосец упускать нельзя. Придется бросать бомбу прицельно в дымовую трубу. Прием. Благодарю вас, капитан, удача нам потребуется.

А потом сестра говорила мне:

– Думаешь, сможешь?

И я отвечал:

– Еще бы, только держи покрепче фуражку.

Твоей Фуражки

Больше Нет Вот Уже

Двадцать Лет

1 января

1965 г.

Прямой эфир

Я слушаю прямой эфир по новому радиоприемнику, купленному несколько недель назад. Это транзисторный белый пластмассовый приемник с АМ/ФМ. Я крайне редко покупаю новые вещи, так что мой бюджет немало удивился, когда в итальянском магазине электроприборов я купил это радио.

Очень любезный продавец рассказал мне, что продал больше четырехсот таких приемников итальянцам, которые хотели слушать по FM передачу на итальянском.

Не знаю почему, но это сильно меня поразило. Отчего мне захотелось купить радио – так я и удивил свой бюджет.

Радио стоило \$29.95.

Теперь я слушаю прямой эфир, поскольку снаружи льет дождь и мне больше нечем занять уши. Я слушаю это новое радио и вспоминаю другое новое радио, что жило в прошлом.

Мне было, кажется, лет двенадцать, Тихоокеанский Северо-Запад, где зима – вечный дождь и вечная слякоть.

У нас был старый приемник 1930-х годов, в огромном корпусе, похожем на гроб, и я его боялся, потому что дети порой боятся старой мебели – она напоминает о мертвых людях.

Звучало это радио из рук вон плохо, и слушать мои любимые передачи было все сложнее и сложнее.

Починке оно не поддавалось. За жалкое подобие звуков цеплялось из последних сил шкалы.

Давным-давно пора было купить новое радио, но мы не могли, потому что были бедные. В конце концов скопили на первый взнос и по слякоти пошли в местный магазин радиотоваров.

Мы – это мама, я и сестра, и втроем мы слушали новехонькие радиоприемники, будто в раю очутились, пока не остановились на одном, который в итоге и купили.

Он был головокружительно прекрасен, в превосходном деревянном корпусе и пахнул небесной лесопилкой. Настольная модель, что тоже было просто замечательно.

Мы с радиоприемником шли домой по слякотным улицам без тротуаров. Радио лежало в картонной коробке, и мне доверили его нести. Я очень гордился.

То был один из счастливейших вечеров в моей жизни: я слушал любимые передачи по новехонькому радио, а дом сотрясала проливная зимняя гроза. Каждая передача звучала, как ограненный алмаз. Топот копыт лошади Малыша Циско²⁰ сверкал, точно кольцо.

Я сижу сейчас, лысеяжиреястареегодыспустя, слушаю прямой эфир по второму новому радио в своей жизни, а призраки той грозы сотрясают дом.

²⁰ Малыш Циско (The Cisco Kid, в рус. перев. И. Гуровой – Козленок Циско) – персонаж рассказа О'Генри «Как истый кабальеро» (*The Caballero's Way*, 1907), а затем фильмов, комиксов, теле- и радиопостановок, изначально жестокий убийца, впоследствии – мексиканский герой. Радиосериал компании *Mutual Broadcasting System*, а затем *Mutual – Don Lee Network* выходил в эфир в 1942–1956 гг.; Малыша Циско в нем первоначально играл Джексон Бек, затем Джек Мэзер.

Я пытался рассказать кому-то о тебе

Я пытался рассказать кому-то о тебе несколько дней назад. Ты не похожа ни на одну девушку, какие прежде попадались мне на глаза.

Я не мог сказать:

– Ну что – она вылитая Джейн Фонда ²¹, только волосы рыжие, другой рот и она, разумеется, не кинозвезда.

Я не мог этого сказать, поскольку ты совсем не похожа на Джейн Фонду.

В конце концов, я пересказал тебя, как фильм, который видел ребенком в Такоме, штат Вашингтон. Наверное, я смотрел его году в 41-м или 42-м: где-то тогда. Мне, видимо, было лет семь-восемь – или шесть. Фильм был о сельской электрификации – идеальное кино 1930-х годов с моралью «Нового курса» ²² для ребенка.

Кино рассказывало о фермерах, живших в деревне без электричества. Чтобы видеть ночью, они пользовались лампами – шили, читали. Никаких домашних приборов у них не было – ни тостеров, ни стиральных машинок; радио слушать они тоже не могли.

Потом они построили плотину с большими электрогенераторами, по всей округе расставили столбы и над полями и пастбищами протянули провода.

Оттого, что они просто ставили столбы, чтобы по ним бежали провода, веяло невероятным героизмом. Они выглядели древними и современными сразу.

Потом в кино показали Электричество – как молодого греческого бога, что пришел к фермеру и навсегда отнял у него его темную жизнь.

И фермер неожиданно, истово, просто нажав на выключатель, получил электрический свет, при котором ранним черным зимним утром можно доить корову.

Семья фермера начала слушать радио, у них появился тостер и много яркого света, чтобы шить платья и читать газеты.

Невероятное кино вообще-то: оно будоражило меня, как «Усеянное звездами знамя» ²³, фотографии президента Рузвельта или его выступления по радио.

– ...Президент Соединенных Штатов...

Мне хотелось, чтоб электричество стало во всем мире. Мне хотелось, чтобы все фермеры на свете могли слушать по радио президента Рузвельта.

Вот так ты на меня смотришь.

²¹ Джейн Симор Фонда (р. 1937) – американская киноактриса, секс-символ 60-х годов.

²² «New Deal» – система мероприятий администрации 32-го президента США (1933–1945) Фрэнклина Делано Рузвельта (1882–1945) в 1933–1939 гг., направленных на ликвидацию последствий Великой депрессии и решение социальных проблем.

²³ «The Star-Spangled Banner» – государственный гимн США, утвержден Конгрессом в 1931 г. Слова написаны в 1814 г. Фрэнсисом Скоттом Ки в честь обороны форта Макхенри во время войны 1812 г., позднее положены на музыку «Песни к Анакреону» – гимна британского Анакреонтического общества, написанного ок. 1780 г. Джоном Стаффордом Смитом.

В Хеллоуин по домам на кораблях до самого моря

В детстве я на Хеллоуин играл, как будто я моряк и, выпрашивая по домам сласти, иду на кораблях до самого моря. Мешок с конфетами – штурвал, маска – паруса, рассекающие чудесную осеннюю ночь, а крылечные огни сияют, как порты захода.

Попрошай был капитаном нашего корабля, и он говорил: «Мы в этом порту ненадолго. Сойдите на берег, хорошо вам повеселиться. Только помните, мы отчалим на заре с отливом». Боже мой, он не соврал! Мы отчалили на заре с отливом.

Ежевичный автомобилист

Ежевичные кусты росли повсюду – зелеными драконьими хвостами взбирались на бока заброшенных складов в промзоне, знававшей иные времена. Кусты были такие мощные, что люди клали на них доски, как мосты, чтобы добраться до больших ягод посередке.

Мостов в кусты было много. Некоторые по пять или шесть досок длиной, и на них надо осторожно балансировать, потому что на пятнадцать футов вниз – одни сплошные ежевичные кусты, и если упадешь, колючками расцарапает очень сильно.

Туда не заглядывали мимоходом нарвать немножко ежевики для пирога или съесть с молоком и сахаром. Туда ходили собрать ежевики для варенья на зиму или чтобы продать, поскольку денег хотелось побольше, чем на билет в кино.

Не описать, сколько там было ежевики. Ежевичины громадные, как черные алмазы, но добираться до них – все равно что брать штурмом замок: в ход шла средневековая ежевичная инженерия, вырубка ходов и прокладка мостов.

– Замок пал!

Временами, когда надоедало собирать ежевику, я вглядывался в тенистую темницу в глубине кустов. Там виднелось что-то смутное, не разберешь что, и какие-то силуэты, текущие, как призраки.

Однажды мне стало так любопытно, что я припал к пятой доске моста, который построил в кустах, и стал смотреть вглубь, где колючки походили на шипы грозной булавы, пока глаза не привыкли к темноте и прямо под собой я не увидел седан «форда» модели А.

Я так долго лежал на доске, рассматривая машину, что свело ноги. Через два часа, разорвав одежду и исцарапавшись до крови, я проделал ход на переднее сиденье этой машины – руки на руле, одна нога на педали газа, другая на тормозе, а вокруг, будто в замке, пахнет обивкой, – и через ветровое стекло сквозь сумеречную тьму стал глядеть вверх, в зеленые солнечные тени.

Пришли другие сборщики и принялись собирать ежевику на досках прямо надо мной. Они ужасно радовались. Наверное, раньше никогда там не бывали и не видели такой ежевики. Я сидел под ними в машине и слушал, как они разговаривают.

– Эй, гляди, какая ежевичина!

Резинка Торо

Жизнь не сложнее поездки через Нью-Мексико в одолженном джипе, с девушкой на переднем сиденье, такой красивой, что мне становится хорошо во всех отношениях всякий раз, когда я на нее смотрю. Выпало много снега, и нам пришлось дать кругалю на сто пятьдесят миль, потому что снег забил нужную дорогу, точно склянку песочных часов.

Вообще-то я страшно рад, потому что мы едем в крошечный городок Торо, штат Нью-Мексико, узнать, открыто ли 56-е шоссе до каньона Чако. Мы хотим посмотреть там индейские руины.

Земля укутана снегом так плотно, словно только что получила государственную пенсию и теперь предвкушает долгую и приятную жизнь вдали от дел.

Мы замечаем кафе, устроившееся в снежной праздности. Мы тормозим, девушка остается в машине, а я иду в кафе выяснять про дорогу.

Официантка немолода. Она смотрит на меня, словно я – иностранный фильм, только что вышедший сюда из-под снега, с Жан-Полем Бельмондо и Катрин Денёв ²⁴ в главных ролях. Кафе пахнет завтраком длиной в полсотни футов. За ним сидят два индейца – жуют яичницу с ветчиной.

Они молчат, им любопытно. Смотрят на меня краем глаза. Я спрашиваю официантку про дорогу, и официантка говорит, что дорога закрыта. Сообщает об этом одной быстрой окончательной фразой. Ну, ничего не поделаешь.

Я шагаю было к двери, но один индеец поворачивается и говорит краем рта:

– Дорога открыта. Я утром по ней ехал.

– До самого Сорок четвертого шоссе открыта? Которое в Кубу? – спрашиваю я.

– Да.

Официантка вдруг переключает все свое внимание на кофе. Кофе нуждается в безотлагательной заботе, и официантка занята сейчас им во благо всех будущих поколений любителей кофе. Без ее преданного труда кофе в Торо, штат Нью-Мексико, может и вовсе исчезнуть.

²⁴ Французские актеры Жан-Поль Бельмондо (р. 1933) и Катрин Денёв (р. 1943) сыграли главные роли во франко-итальянской романтической драме «Сирена с «Миссисипи»» (*La Sirène du Mississippi*, 1969) французского режиссера новой волны Франсуа Трюффо по мотивам романа американского писателя Уильяма Айриша (Корнелла Вулрича) «Вальс в темноте» (*Waltz into Darkness*, 1947).

44:40

Когда я познакомился с Кэмероном, он был глубоким стариком, не снимал теплые тапочки и уже не разговаривал. Только курил сигары и временами слушал пластинки Бёрла Айвза²⁵. Жил он с одним из своих сыновей, а тот и сам дотянул до средних лет и уже сетовал на старость:

– Черт возьми, как ни крути, годы мои уже не те.

У Кэмерона в гостиной было свое кресло. Накрытое шерстяным одеялом. В это кресло больше никто не садился – как будто Кэмерон всегда в нем сидел. Креслом командовал его дух. Старики умеют так делать с мебелью, на которой заканчивают свои дни.

Зимой он уже не выходил наружу, но летом порой сидел на веранде и глядел мимо розовых кустов на улицу, где жизнь расписывала свой календарь без него, словно и не было никогда никакого Кэмерона.

Хотя Кэмерон был. Был он прекрасным танцором и в 1890-х танцевал ночи напролет. Прославился своими танцами. Свел в могилу не одного скрипача, и с Кэмероном девушки всегда танцевали лучше, и все они любили его за это, и все они млели, краснели и хихикали, слыша его имя. От одного имени его или вида трепетали даже «серьезные» девушки.

Много сердец разбилось, когда в 1900 году он женился на самой юной дочери Синглтона.

– Не такая уж она красивая, – горестно твердили неудачницы и плакали на свадьбе.

Еще он чертовски хорошо играл в покер – а в тех краях люди играли в покер очень серьезно и с большими ставками. Однажды человека, сидевшего рядом с ним, поймали на шулерстве.

На карту были поставлены куча денег и лист бумаги, представлявший двенадцать голов скота, двух лошадей и повозку. Они были частью ставки.

О том, что человек жульничает, дал знать один из игроков: не говоря ни слова, он резко перегнулся через стол и перерезал тому человеку глотку.

Кэмерон машинально протянул руку и пальцем зажал человеку яремную вену, чтобы кровь не хлестала по всему столу. Он поддерживал умирающего человека на стуле, пока не закончилась партия и не выяснилось, кому достались двенадцать голов скота, две лошади и повозка.

Хотя Кэмерон больше не разговаривал, отблески таких вот событий читались в его глазах. Ревматизм превратил его руки в овощи, но в их неподвижности чувствовалось огромное достоинство. Сигару он поджигал так, будто вершил историю.

Как-то в 1889 году он целую зиму пас овец. Он был молодым человеком, совсем подростком. То была долгая одинокая зимняя работа в богом забытом краю, но Кэмерону нужны были деньги – отдать долг отцу. Один из тех сложных семейных долгов, в детали которых лучше не вдаваться.

Той зимой Кэмерону только и оставалось любоваться на овец, однако он нашел чем себя ободрить.

Над рекой всю зиму летали утки и гуси, а хозяин стада выдал Кэмерону и другим пастухам огромное, нереальное, можно сказать, количество боеприпасов для винчестера 44:40, чтобы отгонять волков, хотя в округе никаких волков не водилось.

Из-за волков хозяин стада переживал ужасно. До смешного прямо, судя по грудам боеприпасов для 44:40, которые он выдал своим пастухам.

²⁵ Бёрл Айвз (Бёрл Айкл Айвенхоу Айвз, 1909–1995) – американский кантри- и фолк-певец, радиоведущий, радио- и киноактер.

В ту зиму Кэмерон со своим ружьем попользовался этими боеприпасами от души: он палил в уток и гусей со склона холма в двух сотнях ярдов от реки. 44:40 – не сказать чтобы лучшее в мире ружье для охоты на пернатую дичь. Оно стреляет огромными медленными пулями, словно толстый человек открывает дверь. Такого рода ставки были как раз для Кэмерона.

Длинные зимние месяцы этого семейно-долгового изгнания ползли день за днем, выстрел за выстрелом, пока в конце концов не настала весна, и к тому времени Кэмерон извел на этих гусей и уток несколько тысяч патронов и ни разу не попал.

Кэмерон любил рассказывать эту историю, считал, что это очень смешно, и сам всегда смеялся. Он рассказывал ее почти столько же раз, сколько успел пальнуть в этих птиц, много лет ниже по течению от моста 1900 года, и на мосту, и вверх по течению, по десятилетиям этого века, пока не перестал разговаривать вообще.

Чудный денек в Калифорнии

На День труда ²⁶ в 1965 году я шел по железнодорожным путям на окраине Монтерея и смотрел на тихоокеанскую береговую линию Сьерры. Меня всегда поражало, до чего океан здесь похож на высокогорную реку: гранитный берег, неистово-ясная вода и зеленое постоянно сменяется голубым, а хрустальная, как люстра, пена поблескивает в скалах, точно река течет высоко в горах.

Здесь трудно поверить, что перед тобой океан, если не задирать голову. Иногда мне нравится думать, что этот берег – небольшая речушка, и старательно забывать, что до другого берега 11 000 миль.

Я обогнул излучину. Там на песчаной отмели среди гранитных валунов устроили пикник люди-лягушки. На всех аквалангистах были черные резиновые костюмы. Люди стояли кругом и ели большие ломти арбуза. Двое оказались хорошенькими девушками – поверх костюмов на них были мягкие фетровые шляпы.

Люди-лягушки, разумеется, разговаривали о своих лягушачьих делах. Часто они вели себя, как дети, и бризом до меня доносило летние диалоги головастиков. У некоторых на плечах и вдоль рук на костюмах были прочерчены жутковатые голубые линии, будто новенькие кровеносные системы.

Между людьми-лягушками резвились две немецкие овчарки. На собаках черных резиновых костюмов не было, да и на песке собачьей амуниции я не заметил. Наверное, их костюмы лежали за камнем.

Один человек-лягушка плавал на спине у берега и ел ломоть арбуза. Его кружило и мотыляло волнами.

Куча их оборудования громоздилась у огромной скалы, похожей на театр. Прометей при виде нее описался б от счастья. Под скалой лежали желтые кислородные баллоны. Похожие на цветы.

Люди-лягушки встали полукругом, двое побежали к морю и вернулись, швыряясь кусками арбуза в остальных, а еще двое принялись бороться в песке, и собаки лаяли и скакали вокруг них.

Девушки в покладистых клоунских шляпах, облитые своими черными резиновыми костюмами, были очень хорошенькими. Жуя арбуз, они сверкали, как алмазы в короне Калифорнии.

²⁶ День труда – общенациональный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. Впервые отмечался в штате Нью-Йорк в 1882 г. по инициативе первой массовой рабочей организации «Рыцари труда», а в 1894 г. стал официальным праздником.

Почтамты Восточного Орегона

В дороге по Восточному Орегону: осень, ружья на заднем сиденье и патроны в перчаточном ящике или в бардачке, называйте как угодно.

Я был просто пацан, ехал охотиться на оленей в эту горную страну. Мы проделали длинный путь, стартовав до темноты. А потом всю ночь.

Теперь в машину светило солнце, жалило жарко, как насекомое, пчела какая-нибудь, что попалась и жужжит по лобовому стеклу.

Я клевал носом и расспрашивал дядю Джарва, втиснутого рядом со мной на переднем сиденье, об окрестностях и местном зверье. Я разглядывал дядю Джарва. Он рулил, и руль почти вжимался ему в живот. Дядя Джарв весил хорошо за две сотни фунтов. В машине ему едва хватало места.

В сумерках моего полусна был дядя Джарв, а во рту у него – щепотка табака «копенгаген». Она там всегда была. Люди раньше любили «копенгаген». Повсюду висели плакаты, предлагавшие его купить. Больше таких плакатов не увидишь.

В школе дядя Джарв был знаменитым спортсменом, а потом легендарным кутилой. Когда-то он снимал по четыре гостиничных номера разом, и в каждом по бутылке виски, но все они ушли. Он постарел.

Теперь дядя Джарв жил тихо, задумчиво, читал вестерны и каждое субботнее утро слушал оперу по радио. Во рту всегда щепоть «копенгагена». Четыре гостиничных номера и четыре бутылки виски испарились. Его уделом и неизменным состоянием стал «копенгаген».

Я был просто пацан, с удовольствием размышлявший о двух коробках патронов 30:30 в бардачке.

– А горные львы там есть? – спросил я.

– Пумы, что ли? – спросил дядя Джарв.

– Ага, пумы.

– Конечно, – сказал дядя Джарв.

Лицо его покраснело, а волосы поредели. Красавцем он никогда не был, но женщинам это не мешало – он им все равно нравился. Мы снова и снова пересекали один и тот же ручей.

Мы его пересекли по крайней мере раз десять, и каждый раз это было удивительно – снова увидеть ручей, потому что он был приятный: обмелел после долгих месяцев жары, только струйка течет по лесным вырубкам.

– А волки там есть?

– Встречаются. Скоро город будет, – сказал дядя Джарв.

Показалась ферма. Она была пуста. Заброшена, как музыкальный инструмент.

Возле дома стояла большая поленница. Интересно, привидения жгут дрова? Конечно, это их дело, но дрова были цвета прошедших лет.

– А дикие кошки? За них кучу денег можно огрести, да?

Мы проехали лесопилку. За ручьем была крошечная запруда. На бревнах стояли два мужика. У одного в руках коробка с обедом.

– Так, мелочь, – сказал дядя Джарв.

Мы уже въезжали в город. Крошечный городишко. Дома и магазины – развалюхи, выглядят так, будто над ними пронеслось немало ураганов.

– А медведи? – спросил я, как раз когда мы повернули и прямо перед нами возник пикап, а два мужика вытаскивали из него медведей.

– Медведи тут кишмя кишат, – сказал дядя Джарв. – Вон, например, парочка.

И точно... будто так и надо, мужики вытаскивали медведей, словно огромные тыквы, обросшие длинной черной шерстью. Мы остановили машину возле медведей и вылезли.

Вокруг стояли люди и смотрели на медведей. Все эти люди были старыми друзьями дяди Джарва. Все они сказали дяде Джарву «привет» и где же его носило?

Я никогда не слышал, чтобы столько людей говорили «привет» одновременно. Дядя Джарв уехал из городишки много лет назад. «Привет, Джарв, привет». Я ждал, что медведи тоже поздороваются.

– Привет, Джарв, старый пройдоха. Что это у тебя на пузе? Это что, покрывалки?

– Хо-хо, вы на мишек поглядите.

Детеныши, пятьдесят-шестьдесят фунтов весом. Их подстрелили на ручье Старика Саммерса. Мать убежала. Когда медвежата погибли, она удрала в чащу и спряталась где-то неподалеку в обществе клещей.

Ручей Старика Саммерса! Мы же как раз туда и едем охотиться! Вверх по ручью Старика Саммерса! Я там никогда не был. Медведи!

– Во она злая будет, – сказал один мужик.

Мы должны были остановиться у него в доме. Он-то и подстрелил медведей. Добрый друг дяди Джарва. Во время Великой депрессии они в школе вместе играли в футбол.

Мимо прошла женщина. В руках она держала пакет с продуктами. Остановилась и посмотрела на медведей. Подошла очень близко и нагнулась к медведям, ткнув верхушками сельдерея им в морды.

Медведей положили на веранду старого двухэтажного дома. Углы дома покрыты деревянными узорами. Именинный пирог из прошлого столетия. А мы будем торчать там всю ночь праздничными свечками.

На решетках веранды росли какие-то странные лозы с цветами еще страннее. Я и раньше видел такие лозы и цветы, но на доме – никогда. Это был хмель.

Я впервые видел, чтобы хмель рос на доме. Станный выбор. Я к ним привык не сразу.

Солнце светило на веранду, и тени хмеля ложились на медведей, как на два стакана темного пива. Спинами они опирались на стену.

– *Здравствуйте, джентльмены. Что будете пить?*

– *Пару пива «Медведь».*

– *Посмотрю в холодильнике, холодные ли. Я их туда как раз ставил... ага, холодные.*

Мужик, подстреливший медведей, решил, что ему они не нужны, и кто-то сказал: «Может, отдашь мэру? Он любит медведей». Население городка – триста пятьдесят две души, считая мэра и медведей.

– Пойду скажу мэру, что тут для него парочка медведей, – объявил кто-то и ушел искать мэра.

О, какие будут вкусные медведи: запеченные, жареные, вареные или со спагетти – медвежьи спагетти, как готовят итальянцы.

Кто-то видел его у шерифа. Почти час назад. Может, он еще там. Мы с дядей Джарвом ушли в крошечный ресторанчик обедать. Дверь отчаянно нуждалась в ремонте – открывалась, как ржавый велосипед. Официантка спросила, что мы будем заказывать. У двери стояло несколько игровых автоматов. Вся округа настезь.

Мы заказали сэндвичи с ростбифом и картофельное пюре с подливкой. Там летали сотни мух. Одна достойная компания обнаружила ленты липкой бумаги, виселицами развешенные по всему ресторану, и нашла себе на них приют.

Вошел старик. Сказал, что хочет молока. Официантка принесла ему стакан. Он выпил и по дороге к двери сунул пятак в игровой автомат. Потом покачал головой.

После еды дяде Джарву понадобилось сходить на почтамт и послать открытку. Мы пошли – почтамт оказался маленький и больше всего походил на хижину. Мы открыли сетчатую дверь и зашли внутрь.

Там было полно почтамтовых штук: прилавок, старые часы с длинным понурим маятником, как подводные усы, – он тихо качался туда-сюда, вовремя догоняя время.

На стене висела огромная фотография голой Мэрилин Монро. Я впервые видел такую на почтамте. Мэрилин Монро лежала на чем-то большом и красном ²⁷. Я подумал, что странно вешать это на стену почтамта, но, в конце концов, в этой стране я был чужеземцем.

Почтмейстершей была немолодая женщина, и она перерисовала себе на лицо такой рот, какие носили в 1920-х. Дядя Джарв купил открытку и заполнил на прилавке, точно стакан воды.

Это заняло пару секунд. На полпути через открытку дядя Джарв прервался и взглянул на Мэрилин Монро. Ничего похотливого в его взгляде не было. С тем же успехом на фотографии могли быть горы и деревья.

Не помню, кому он писал. Может, другу или родственнику. Я что было сил пялился на фотографию голой Мэрилин Монро. Дядя Джарв отправил открытку.

– Пошли, – сказал он.

Мы вернулись в дом с медведями, но те исчезли.

– А куда они делись? – спросил кто-то.

Собралась толпа, все только и говорили об исчезнувших медведях и вроде как повсюду их искали.

– Они же мертвые, – сказал кто-то, желая всех успокоить, и вскоре мы уже обшаривали дом, а одна женщина искала медведей в чуланах.

Через некоторое время пришел мэр и сказал:

– Я есть хочу. Где мои медведи?

Кто-то сказал мэру, что медведи испарились, а мэр ответил:

– Быть такого не может, – нагнулся и посмотрел под верандой. Медведей там не было.

Прошло около часа, все бросили искать медведей, а солнце село. Мы расположились на веранде, где когда-то давным-давно были медведи.

Мужчины беседовали о школьном футболе времен Великой депрессии и подшучивали над тем, какими старыми и толстыми они выросли. Кто-то спросил дядю Джарва про четыре гостиничных номера и четыре бутылки виски. Все засмеялись, кроме дяди Джарва. Он лишь улыбнулся. Только-только наступила ночь, и тут кто-то обнаружил медведей.

Они нашлись в переулке на переднем сиденье автомобиля. На одном медведе были штаны и клетчатая рубашка. На голове – красная охотничья шляпа, во рту трубка, а обе лапы на руле, будто он Барни Олдфилд ²⁸.

На другом медведе был белый шелковый пеньюар, какие обычно встречаются в рекламе на последней странице мужских журналов, и войлочные шлепанцы на задних лапах. К голове привязана дамская шляпка, на коленях сумочка.

Кто-то открыл сумочку, но там было пусто. Не знаю, что они надеялись найти, но надежды не оправдались. И вообще, что может носить в сумочке мертвый медведь?

* * *

Удивительно, что напомнило мне всю эту историю про медведей. Газетная фотография: Мэрилин Монро отравилась снотворным, молодая и красивая, целая жизнь, как говорится, впереди.

²⁷ Имеется в виду один из снимков Мэрилин Монро (Норма Джин Мортенсон, 1926–1962) работы фотографа Тома Келли: в 1949 г. Мэрилин Монро позировала ему обнаженной на красном бархате; одна из фотографий появилась в первом номере журнала *Playboy* в 1953 г.

²⁸ Барни Олдфилд (Берна Илай Олдфилд, 1878–1946) – пионер автогонок, водил машины производства заводов Форда, первый человек, который достиг скорости миля в минуту (1903).

Вся газета об этом – статьи, фотографии, то-се: на носилках увозят тело – тело под унылым одеялом. Интересно, какой почтамт в Восточном Орегоне наденет на стену эту фотографию Мэрилин Монро.

Санитар выталкивает тележку из двери, и под тележку светит солнце. На фотографии – жалюзи и ветки дерева.

Бледномраморное кино

У комнаты были высокие викторианские потолки, мраморный камин, в окне росло авокадо, а она лежала рядом со мной и спала, как положено ладным блондинкам.

Я тоже спал, и сентябрьская заря только занималась.

1964 год.

Вдруг неожиданно, без всякого предупреждения она села на кровати, мгновенно меня разбудив, и начала вставать с постели. Настроена она была очень серьезно.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Глаза ее были широко открыты.

– Встаю, – ответила она.

Они были сомнамбулически голубыми.

– Ложись опять, – сказал я.

– Зачем? – спросила она, одной блондинственной ногой уже касаясь пола.

– Потому что ты еще спишь, – ответил я.

– Охxxx... Ну ладно, – сказала она. Она признала в этом какой-то смысл и снова улеглась, закуталась в покрывала и прижалась ко мне. Больше ни слова не сказала и даже не шевельнулась.

Она крепко спала – ее метания завершились, а мои только начинались. Я думаю о том простом случае уже много лет. Он все время со мной, прокручивает себя снова и снова, как бледномраморное кино.

Напарники

Мне нравится сидеть в дешевых кинотеатрах Америки, где люди живут и умирают с елизаветинскими манерами ²⁹, пока смотрят фильмы. На Маркет-стрит есть одна киношка, в которой я могу посмотреть четыре фильма за доллар. Вообще-то мне даже все равно, хорошие они или нет. Я же не критик. Мне просто нравится смотреть кино. Его присутствия на экране мне достаточно.

В зале полно черных, хиппи, стариков, солдат, матросов и тех простаков, что разговаривают с фильмами, потому что кино для них так же реально, как и все остальное, что с ними происходит:

– Нет! Нет! Быстрее в машину, Клайд! О, господи, они же убивают Бонни! ³⁰

Я – придворный поэт этих кинотеатров, но на фонд Гуттенхайма ³¹ не рассчитываю.

Однажды я вошел в театр в шесть часов вечера и вышел из него в час ночи. В семь я положил одну ногу на другую – в такой позе они оставались до десяти, и я ни разу не встал с места.

Иными словами, я не поклонник высокохудожественных фильмов. Мне наплевать на эстетическую щекотку в каком-нибудь изысканном кинотеатре среди публики, облитой самоуверенными духами культуры. Мне такое не по карману.

В прошлом месяце я сидел на Северном пляже в киношке под названием «Времена», где крутят два фильма за семьдесят пять центов. Показывали мультик про цыпленка и пса.

Пес пытался уснуть, а цыпленок ему не давал. За этим следовала череда приключений, которые всегда заканчиваются мультяшным бедламом.

Рядом со мной сидел человек.

Весь БЕЛЫЙБЕЛЫЙБЕЛЫЙ: толстый, лет пятидесяти, на голове как бы лысина, а на лице – полное отсутствие человеческих чувств.

Мешковатая одежда неопределенного покроя окутывала его, как знамена побежденной державы. Судя по внешности, всю жизнь по почте ему приходили только счета.

И в этот миг пес в мультике вдруг разразился огромнейшим зевком: цыпленок по-прежнему не давал ему спать. Не успел он закрыть пасть, как человек со мной рядом тоже зевнул. И так они зевали вместе – пес в мультике и этот мужчина, живой человек, напарники по Америке.

²⁹ Эпохой английской королевы Елизаветы I принято считать период с 1558 по 1603 г.

³⁰ Персонажи фильма «Bonnie and Clyde» американского режиссера Артура Пенна (1967) о гангстерской паре Бонни Паркер (1910–1934) и Клайде Барроу (1909–1934), которые на протяжении четырех лет в 1930-х гг. грабили банки в Техасе, изображая «благородных разбойников». В фильме их сыграли Уоррен Битти и Фэй Данауэй.

³¹ Фонд поддержки изящных искусств, основан в 1925 г. Джоном Саймоном Гуттенхаймом (1867–1941), членом металлургического клана Гуттейнхаймов.

Будем знакомы

Она терпеть не может гостиничные номера. Это как в шекспировском сонете. В смысле – как женщина-дитя, такая себе Лолита. Форма – классическая:

Она терпеть не может гостиничные номера. Вообще-то ее достает утренний свет. Ей не нравится в таком свете просыпаться.

Утренний свет в гостиницах всегда синтетический, резкий и чистый, точно горничная проникла в номер тихой мышкой-хлопотуньей, и свет возник, когда она застелила призрачные кровати странными простынями, что висели в самом воздухе.

Бывало, она лежала в постели и притворялась спящей, чтобы застать горничную, входящую со сложенной стопкой утреннего света на руках. Но поймать горничную не удалось ни разу, и она бросила это занятие.

Ее отец спит в соседней комнате с новой любовницей. Ее отец – знаменитый кинорежиссер, он приехал сюда рекламировать свою очередную картину.

В этот визит в Сан-Франциско он рекламирует фильм ужасов, который только что закончил снимать: «Нападение гигантских роз». Это кино про сбрендившего садовника и плоды его рук из теплицы, где он работал с экспериментальными удобрениями.

Ей кажется, что розы-гиганты – тоска смертная.

– Они похожи на букетик тухлых валентинок, – сообщила она недавно отцу.

– А не пойти ли тебе на хер? – последовал ответ.

Сегодня днем он будет обедать с Пейном Никербокером из «Летописи», в конце дня у него интервью Айхелбому из «Инспектора»³², а несколько дней спустя осточертевшую отцовскую брехню опубликуют все газеты.

Вчера вечером он снял апартаменты в «Фэрмонте»³³, а ей хотелось пожить в мотеле на Ломбарде.

– Ты спятила? Это же Сан-Франциско! – сказал он.

Мотели нравятся ей гораздо больше отелей, но она даже не знает почему. Может быть, все дело в утреннем свете. В мотелях свет естественнее. Не выглядит так, будто его там разложила горничная.

Она выбралась из постели. Хотелось посмотреть, с кем спит отец. Такая у нее была игра. Ей нравилось, если угадывала, кто в постели с отцом, хоть игра и была дурацкой, потому что все женщины, с которыми отец ложился в постель, всегда выглядели, как она сама.

Интересно, где отец их все время находит?

Некоторым ее друзьям да и другим людям нравилось над этим подшучивать. Они говорили, что его любовницы и его дочь всегда похожи на сестер. Иногда ей казалось, что она – член странной и постоянно меняющейся семьи сестер.

Рост у нее – 5 футов 7 дюймов, прямые светлые волосы, доходят чуть ли не до попы. Весит 113 фунтов. И *очень* синие глаза.

Ей пятнадцать лет, но возраст ее мог быть любым. Стоит лишь захотеть, и она будет выглядеть на сколько угодно – от тринадцати до тридцати пяти.

Иногда намеренно она делалась тридцатипятилетней – чтобы юноши чуть за двадцать тянулись к ней и считали ее опытной женщиной.

Роль все еще блистательной, но увядающей тридцатипятилетней женщины удавалась ей великолепно: она многих изучила в Голливуде, Нью-Йорке, Париже, Риме, Лондоне и т. д.

У нее уже было три романа с двадцатилетними молодыми людьми, и ни один не заподозрил, что ей всего пятнадцать.

Такое у нее появилось увлечение.

Она могла сочинить себе целую жизнь, и не одну – словно прожила их все как-то телескопически сонно. Могла стать тридцатичетырехлетней матроной с тремя детьми в Глендейле, замужем за евреем-стоматологом, а сейчас у нее просто романчик на стороне, в поисках утраченной юности; или же старой девой тридцати одного года, литературным редактором из Нью-Йорка, что пытается избежать лап обезумевшей любовницы-лесбиянки, для чего ей нужен молодой человек, который спасет ее от извращения; или тридцатилетней разведенкой с неизлечимой, но привлекательной болезнью, которой нужен просто еще один шанс на романтическую встречу, пока не...

Такое она обожала.

Она встала с постели и на цыпочках, без одежды прошла в гостиную, к двери отцовской спальни и остановилась, прислушиваясь, не проснулись ли они и не занимаются ли любовью.

Ее отец и его любовница спали крепким сном. Она ощущала это через дверь. В их спальне будто замерз кусок теплого пространства.

Она чуть приоткрыла дверь и в щелочку заметила светлые женские волосы, что переливались за край кровати, словно рукав желтой рубашки.

Она улыбнулась и закрыла дверь.

³² Уильям Пейн Никербокер (1912–1985) – американский критик театра и кино, двадцать лет проработал в газете «San Francisco Chronicle» (с 1865). Стэнли Айхелбом (1934–2012) – американский критик театра и кино, ресторатор, 19 лет проработал в газете «San Francisco Examiner» (с 1863).

³³ «Fairmont» (с 1907) – историческая гостиница на вершине холма Ноб в центре Сан-Франциско.

Здесь мы ее и оставим.
Мы уже кое-что знаем о ней.
А она знает нас вдоль и поперек.

Краткая история Орегона

Я проделывал такое, когда мне было шестнадцать. Пятьдесят миль ехал стопом под дождем, чтобы поохотиться в последние часы уходящего дня. Я стоял на обочине с 30:30-м, вытянув руку без всякой задней мысли: я рассчитывал, что меня кто-нибудь подберет, и меня всегда подбирали.

– Куда едешь?

– Охотиться на оленей.

Это означало – куда-то в Орегон.

– Залезай.

А когда я вылез из машины на перевале, с неба лило, как из преисподней. Водитель глазам своим не верил. Я увидел лощину, наполовину заросшую деревьями, – она спускалась в долину, затянутую пеленой дождя.

Я понятия не имел, куда ведет эта долина. Никогда здесь не был, да и наплевать.

– Куда ты собрался? – спросил водитель, не в состоянии понять, как это я выхожу из машины под проливной дождь.

– Вон туда, вниз.

Когда он отъехал, я остался один в горах. Этого мне и хотелось. Я был водонепроницаем с головы до пят, а в кармане у меня лежали шоколадные батончики.

Я стал спускаться между деревьями, стараясь спугнуть оленя из зарослей, но вообще-то разницы никакой, встречу я его или нет.

Мне просто хотелось чувства охоты. Мысль о том, что где-то тут – олень, была так же приятна, как и сам олень где-то тут.

В кустах ничего не шевелилось. Я не видел ни единого оленьего следа – признаков птиц, кроликов или чего бы то ни было другого тоже не наблюдалось.

Иногда я просто останавливался и стоял. С веток капало. Имелся только признак меня самого: я один. Поэтому я съел шоколадку.

У меня не было представления о времени. Все небо потемнело от зимнего дождя. Еще когда я вышел, мне оставалась всего пара часов, и теперь я чувствовал, что они почти на исходе, скоро наступит ночь.

Из зарослей я вышел на прогалину, утыканную пнями, и к трелевочной дороге, которая плавно спускалась в долину. Пни были свежими. Деревья свалили где-то в том же году. Может быть, весной. Дорога спускалась в долину.

Дождь ослаб, потом прекратился, на все опустилась странная тишина. Сумерки – и долго они не продержатся.

На дороге обозначился поворот, и неожиданно, без предупреждения, посреди моего личного нигде оказался дом. Мне такое не понравилось.

Дом больше походил на большую хижину, чем на что-нибудь еще. Его окружало множество старых машин, всякого мусора с лесоповала и таких вещей, что сначала нужны, а потом их бросаешь.

Не хотелось мне, чтоб там стоял дом. Завеса дождя рассеялась, и я оглянулся на гору. Я спустился где-то лишь на полмили, все время думая, что я тут один.

Оказалось – шутка.

Дом-хижина смотрел ко мне на дорогу одним окном. В окне я ничего не разглядел. Хотя ночь уже начиналась, свет в доме никто не зажег. Но я знал, что дома кто-то есть – из трубы валил черный дым.

Я подошел ближе, дверь распахнулась, и на грубо сколоченное крыльцо выбежал мальчишка. На нем не было ни башмаков, ни куртки. Лет девяти, светлые волосы растрепаны, как будто у него в голове все время дул ветер.

Выглядел он старше, чем на девять. За ним сразу же высыпали три его сестренки: три, пять и семь. На них никаких ботинок тоже не было – и курток не было. Сестры тоже выглядели старше своих лет.

Тихое волшебство сумерек внезапно раскололось, и снова пошел дождь, но дети в дом не вернулись. Лишь стояли на крыльце, мокли и смотрели на меня.

Надо признать, странное это зрелище: я спускаюсь по их грязной узкой дороге посреди забытой богом глухомани перед самой темнотой и прижимаю к себе 30:30 так, чтобы вода в ствол не затекла.

Когда проходил мимо, дети не сказали ни слова. У сестер все прически были взбаламучены, как у карликовых ведьмочек. Их родителей я так и не увидел. Света в доме не было.

Перед домом на боку лежал грузовичок модели А³⁴. Рядом – три пустых пятидесятигаллонных бензиновых бочки. Никакого смысла в них больше не было. Там и сям какие-то куски ржавого кабеля. Откуда-то вышла желтая собачонка и уставилась на меня.

Проходя, я ничего не сказал им. Дети уже промокли насквозь. Молча они жались друг к другу на крыльце. У меня не было причин полагать, что в жизни есть еще хоть что-то.

³⁴ Имеется в виду пикап «Ford Model A» – автомобиль массового производства компании «Форд Мотор», который выпускался в 1928–1931 гг.

Давным-давно люди решили жить в Америке

Я брожу, размышляя о том, как охота трахнуть кого-нибудь новенького. Холодный зимний день, просто мыслишка, почти выскочила из головы, и тут...

Высокая, боже-как-я-люблю высоких, девушка идет по улице, небрежная, как молодое животное, в «ливайсах». В ней, пожалуй, 5 футов 9 дюймов, она в синем свитере. Грудь под ним свободны и движутся в решительном течении юности.

На ней нет туфель.

Она хиппушка.

У нее длинные волосы.

Она не знает, до чего прекрасна. Мне это нравится. Заводит всегда, а сейчас это и вовсе нетрудно, поскольку я и так думаю о девушках.

И тут, когда мы уже почти разминулись, она поворачивается ко мне – вот это да! – и говорит:

– Мы, случайно, не знакомы?

Ух ты! Она стоит рядом. Еще какая высокая!

Я приглядываюсь. Может, и впрямь знакомы? Может, бывшая любовница, или сталкивались где-то, и я к ней клеился по пьяни. Я внимательно смотрю на нее, а она прекрасна, свежа и юна. У нее невообразимо красивые синие глаза, но я ее не знаю.

– Я уверена, что раньше вас видела, – говорит она, заглядывая мне в лицо. – Как вас зовут?

– Кларенс.

– Кларенс?

– Ага, Кларенс.

– Ой, тогда мы не знакомы, – говорит она.

Что-то она быстро.

Босым ногам холодно на тротуаре, и она горбится в мою сторону, будто мерзнет.

– Как вас зовут? – спрашиваю я: может, я ее подклею. Вот о чем надо думать. Собственно, с этим я опоздал уже секунд на тридцать.

– Ива, – говорит она. – Мне нужно в Хейт-Эшбери³⁵. Только что приехала из Спокана.

– Не стоит, – говорю я. – Там очень неприятно.

– У меня друзья в Хейт-Эшбери, – говорит она.

– Неприятное место, – говорю.

Она пожимает плечами и беспомощно глядит вниз, на ноги. Потом поднимает голову – глаза дружелюбные и раненные.

– Это все, что у меня есть, – говорит она.

(В смысле то, что на ней.)

– И что в кармане, – говорит она.

(Украдкой косится на левый задний карман своих «ливайсов».)

– Когда доберусь, друзья меня выручат, – говорит она.

(Глянув в сторону Хейт-Эшбери в трех милях отсюда.)

Ей вдруг неловко. Она не понимает, что делать. Отступает на два шага. Вверх по улице.

– Я... – говорит она. – Я... – снова глядя на замерзшие ноги.

Еще полшага назад.

– Я. Я не хотела ныть, – говорит она.

Теперь все это сильно ее раздражает. Она вот-вот уйдет. Все вышло не так, как она хотела.

³⁵ Хейт-Эшбери – район в центре Сан-Франциско, в 1960-е – хипповское гнездо.

– Давайте я вам помогу, – говорю я.

И лезу в карман.

Она делает шаг ко мне, мгновенно успокоившись, будто случилось чудо.

Я даю ей доллар, совсем потеряв где-то клейкую ленту, которой собирался ее склеить.

Ей не верится, что это и впрямь доллар, она обхватывает меня руками и целует в щеку. Тело у нее теплое, дружелюбное и податливое.

Мы бы прекрасно смотрелись вместе. Я бы мог сказать нужные слова, и все бы сложилось, но я ничего не говорю, потому что клейкую ленту потерял и не знаю, куда она делась, а девушка блистательно отчаливает ко всем людям, которых еще встретит (я в лучшем случае останусь призрачным воспоминанием) и ко всем жизням, которые еще проживет.

Эту жизнь мы вместе уже прожили.

Исчезла.

Краткая история религии в Калифорнии

Есть лишь один способ приступить к делу: на лугу мы видели оленей. Олени встали в медленное кольцо, потом разбили его и ушли к деревьям.

На лугу было три оленя и трое нас. Я, мой друг и моя дочь трех с половиной лет.

– Гляди, олени, – сказал я, показывая к ним путь.

– Смотри, олени! Вон! Вон! – закричала она у меня на руках, на переднем сиденье, и накатила на меня волной. От оленей она получила крошечный удар током. Три маленькие серые электростанции ушли под деревья, славя копытное Управление ресурсами бассейна Теннесси ³⁶.

Когда мы ехали обратно к лагерю в Йосемити, она говорила об оленях.

– Олени отличные, – говорила она. – Хочу быть оленем.

Когда мы свернули на стоянку, три оленя стояли у въезда и смотрели на нас. Те же олени, а может, и другие.

– Смотри, олени! – И та же электрическая волна через меня: хватило бы, наверное, зажечь пару лампочек на рождественской елке, или минуту покрутить вентилятор, или поджарить половину хлебного ломтя.

Олени шли за машиной, а мы на оленьей скорости въезжали в лагерь. Когда мы выбрались из машины, олени остались с нами. Моя дочь рванула к ним. Ух ты! Олени!

Я ее притормозил.

– Подожди, – сказал я. – Дай папе руку.

Я боялся, как бы она их не испугала или они ее не затоптали, если запаникуют и побегут на нее, что почти невероятно.

Мы шли за оленями, чуть позади, а потом остановились посмотреть, как они переправляются через реку. Река была мелкая, олени остановились посередине и поглядели в три разные стороны.

Моя дочь смотрела на них, некоторое время ничего не говоря. Они были такие тихие и прекрасные, а потом она сказала:

– Папа, возьми оленью голову и приделай к моей голове. Возьми оленью ногу и приделай к моей ноге. И я буду олень.

Олени перестали глядеть в три разные стороны. Все разом поглядели на деревья на том берегу, а потом туда и направились.

Так вот, на следующее утро рядом с нами разбила туристический лагерь группа христиан, потому что было воскресенье. Человек двадцать или тридцать сидели за длинным деревянным столом. Пока мы складывали палатку, они пели гимны.

Моя дочь понаблюдала за ними очень внимательно, а потом подошла ближе и спряталась за деревом, чтобы посмотреть, как они поют. Ими командовал один человек. Он махал руками в воздухе. Наверное, их священник.

Моя дочь понаблюдала за ними очень внимательно, а потом вышла из-за дерева, медленно направилась к ним и остановилась за спиной их священника, задрал к нему голову. Он стоял один, и она стояла одна вместе с ним.

Я выдернул металлические колышки из земли и собрал их в аккуратную связку, потом свернул палатку и положил ее к колышкам.

³⁶ Управление ресурсами бассейна Теннесси – независимая государственная корпорация, созданная в 1933 г. в рамках Нового курса президента Рузвельта; в частности, управляла сетью гидроэлектростанций в нескольких штатах.

Тут одна из христианских женщин встала из-за длинного стола и направилась к моей дочери. Я наблюдал. Женщина дала ей кусок пирога и спросила, не хочет ли она сесть и послушать пение. Они как раз увлеченно пели про Иисуса, который делает им что-то хорошее.

Моя дочь кивнула и уселась на землю. Кусок пирога положила на колени. Просидела так пять минут. Не откусила от пирога ни кусочка.

Теперь они пели о Марии и Иосифе, которые тоже что-то делали. В песне была зима, холодно и солома в хлеву. Пахучая.

Моя дочь слушала минут пять, потом встала, посреди «Мы три царя Востока»³⁷ помахала им на прощание и вернулась ко мне с куском пирога.

– Ну как? – спросил я.

– Поют, – сказала она, показывая, что они поют.

– Как пирог? – спросил я.

– Не знаю, – сказала она и бросила пирог на землю. – Я уже завтракала. – Там он и остался.

Я подумал о трех оленях и поющих христианах. Посмотрел на кусок пирога и на реку, за которую на сегодня ушли олени.

Пирог на земле казался очень маленьким. По камням текла вода. Птица или зверь съедят пирог, а потом спустятся к реке попить воды.

Один пустяк пришел мне в голову и не оставил выбора – я так ему обрадовался, что обхватил руками дерево, щека подплыла к душистой коре и покачивалась там несколько нежных мгновений покоя.

³⁷ «Мы три царя Востока» («Three Kings of Orient», она же «We Three Kings of Orient Are», 1857) – рождественский гимн американского священника Джона Генри Хопкинса-мл.

Черт побери апрель

В этом раннем черт побери апреле черт побери начинается с записки, что оставила одна юная леди на входной двери. Я читаю записку и думаю: что за черт?

Для такой фигни я слишком стар. Я не могу за всем уследить, а потому захожу за дочерью и на этом фронте делаю все, на что способен: веду ее играть в парк.

Вообще-то я не хочу вылезать из постели, но мне нужно в туалет. Возвращаясь из туалета, я замечаю записку или я уж не знаю что на стекле входной двери. От нее на стекле тень.

Да и черт бы с ней. Пусть другой кто-нибудь разбирается с этими сложностями в начале апреля. С меня довольно похода в туалет. Я ложусь в постель.

Мне снится, что некто неприятный гуляет с собакой. Сон длится несколько часов. Этот человек напевает своей собаке, но я не могу расслышать, что за песня, надо очень сильно вслушиваться, и я все равно не слышу.

Просыпаюсь в глубокой скуке. Что мне делать с остатком жизни? Мне двадцать девять лет. Я снимаю записку с двери и ложусь в постель.

Читаю записку, натянув на голову простыню. Не очень хорошее освещение, но оно лучше всего, с чем я сегодня сталкивался. Записка от девушки. Она тихо-тихо пришла с утра и оставила записку на двери.

В записке она просит прощения за сцену, которую недавно мне закатила. Записка в форме загадки. Ничего не понимаю. И вообще, ненавижу загадки. Да пошла она в жопу.

Я захожу за дочерью и веду ее на площадку на Портсмут-сквер. Смотрю за ней уже час. Время от времени отворачиваюсь, чтобы все это записать.

Что, если моя дочь однажды оставит записку на двери какого-нибудь мужчины в начале черт побери апреля, черт побери, и он прочтет ее в постели, с головой укрывшись простыней, а потом поведет свою дочь в парк, поднимет глаза, вот как я только что, и увидит, что она играет в песке с голубым ведерком?

Один день в 1939-м

Это вечная история, которую я все время рассказываю своей четырехлетней дочери. Что-то такое дочь в ней слышит и хочет слушать снова и снова.

Когда пора ложиться спать, она говорит:

– Папа, расскажи, как ты был маленький и залез в камень.

– Хорошо.

Она подтыкает вокруг себя одеяло, будто послушные облака, сует большой палец в рот и смотрит на меня внимательными голубыми глазами.

– Однажды, когда я был маленький, как ты сейчас, мои мама и папа взяли меня на пикник на гору Рэйнир. Мы приехали туда на старой машине и посреди дороги увидели оленя.

Мы пришли на луг, в тени деревьев был снег, и вообще он был там, куда не попадало солнце.

На лугу росли дикие цветы, очень красивые. Посреди луга лежал огромный круглый камень, папа подошел к нему, нашел в середине камня дырку и заглянул внутрь. Камень был пустой, как крошечная комнатка.

Папа заполз в камень, сел и стал глядеть наружу, на синее небо и дикие цветы. Папе очень понравился камень – он решил, что это будет дом, и играл внутри камня весь день.

В большой камень он принес камней поменьше. Он решил, что маленькие камни будут очагом и всякой мебелью, и готовил еду, а едой были цветы.

Это конец истории.

Тут она смотрит на меня своими темно-голубыми глазами и видит меня ребенком: я играю внутри камня, как будто дикие цветы – это гамбургеры, и готовлю их на маленьком камне, похожем на очаг.

Ей эта история никогда не надоедает. Она слышала ее раз тридцать или сорок и всегда просит рассказать снова.

Ей это очень важно.

Я думаю, для нее эта история – дверь Христофора Колумба, и за этой дверью ей открывается отец, такой же ребенок.

Капрал

Когда-то мне грезилось стать генералом. Было это в Такоме в самые первые годы Второй мировой, когда я был еще ребенком и ходил в начальную школу. Там объявили грандиозный сбор макулатуры, блистательно оформленный, как военная карьера.

Это было здорово и примерно вот так: приносишь пятьдесят фунтов бумаги и становишься рядовым, семьдесят пять фунтов стоят капральских лычек, сто фунтов – сержант, а потом фунты бумаги взлетают по спирали вверх, пока не становишься генералом.

Наверное, для генерала нужно было притащить тонну бумаги, а может, и сто фунтов. Не помню я точного количества, но в самом начале это казалось так просто: собери достаточно макулатуры – станешь генералом.

Я начал с того, что собрал всю бесхозную бумагу, что невинно валялась по дому. Получилось три или четыре фунта. Должен признаться, я был несколько разочарован. Не знаю, откуда у меня взялось представление, что наш дом просто ломится от макулатуры. Мне казалось, она повсюду. Интересный сюрприз: оказывается, бумага обманчива.

Но я не падал духом. Собрал всю волю в кулак и отправился по соседям, спрашивая, не валяются ли у них где-нибудь газеты или журналы, которые не жалко отдать на хорошее дело, чтоб мы выиграли войну и победили зло навсегда.

Одна старушка терпеливо выслушала всю мою речь и отдала один номер журнала «Жизнь»³⁸, который только что закончила читать. Дверь она закрыла, пока я еще стоял перед ней, оторопело глядя на журнал в руке. Бумага была еще теплой.

В следующем доме никакой макулатуры не было – даже драного конверта. Меня опередил другой мальчишка.

В следующем дома никого не было.

Так продолжалось неделю – одна дверь за другой, дом за домом, квартал за кварталом, пока наконец бумаги у меня не скопилось достаточно для рядового.

Я приволок эту чертову нашивку домой на самом что ни на есть дне кармана. У нас в квартале уже были макулатурные офицеры – лейтенанты и капитаны. Я даже не стал заморачиваться и пришивать лычки себе на курточку. Просто закинул в ящик комода и прикрыл носками.

Следующие несколько дней я цинично охотился за макулатурой, и мне повезло: у кого-то в подвале оказалась средней величины кipa журналов «Колльер»³⁹. Ее хватило на капральские нашивки, немедленно попавшие к лычкам рядового под носки.

Те мальчишки, кто носил одежду получше, имел много карманных денег и каждый день обедал горячим, были уже генералами. Они знали, где есть много журналов, а у их родителей были машины. Они по-военному вышагивали на школьной площадке и по дороге домой.

Вскоре после этого – примерно, на следующий день – я положил конец своей славной военной карьере и вступил в макулатурные тени Америки, где уже не бывает иллюзий. Где облом – это неоплаченный чек, двойка в дневнике или письмо, которым заканчивается любовь, а также все слова, что ранят людей, когда те их читают.

³⁸ «Life» (1883–2000) – американский иллюстрированный общественно-политический еженедельный (впоследствии ежемесячный) журнал.

³⁹ «Collier's» (1888–1957) – американский еженедельный журнал, предтеча изданий «разгребателей грязи».

Охлопья

Вечер, и меня слегка гнетут чувства, для которых нет слов, и события, которые лучше объяснять в измерении охлопьев из глубин кармана, а не слов.

Я разглядываю драные ошметки своего детства. Обрывки далекой жизни без формы и смысла. То, что просто случилось, – как охлопья в кармане.

Полная история Германии и Японии

Несколько лет назад (во Вторую мировую войну) я жил в мотеле по соседству со «Свифтом»⁴⁰, это был мясокомбинат – красивое слово, которое значит «скотобойня».

Там убивали свиней, час за часом, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, весна оборачивалась летом, лето – осенью, а свиньям резали глотки, и потом следовала пронзительная жалоба, будто в мусорном баке включили оперную пластинку.

Почему-то я думал, что убийства свиней как-то связаны с победой в войне. Видимо, потому, что с ней тогда было связано все.

Первую неделю или две в мотеле меня это страшно мучило. Вопли были невыносимы, но потом я привык, и они стали просто звуками, как пение птицы на дереве, дневной свисток, радио, проезжающие мимо грузовики, человеческие голоса или когда зовут на ужин...

– *После ужина поиграешь!*

Когда свиньи не визжали, тишина была такая, будто сломался механизм.

⁴⁰ «Свифт» (*Swift & Company*, с 1855) – американская компания, выпускавшая мясную гастрономию, молочные продукты и моющие средства; сейчас входит в состав *JBS SA*.

Аукцион

То был дождливый аукцион на Тихоокеанском Северо-Западе: дети носятся, повсюду суют нос, фермерских жен интересуют ящики с использованными стеклянными банками, ношенные платья и, может, какая-нибудь мебель в дом, а мужчин – седла, инвентарь и скот.

Аукцион проводили на складе, что ли, или в амбаре, и в субботний день повсюду разливалось подержанное волнение. Он пахнул как вся история Америки от начала времен.

Аукционист торговал так бойко, что можно было прикупить хлам, который продадут только в будущем году. У него были вставные зубы – они трещали, как будто в челюстях скелета скачут сверчки.

Каждый раз, когда на торги выставлялась коробка старых игрушек, дети всю душу вымывали своим родителям, пока те не начинали грозить ремнем, если дети не заткнутся: «Прекрати меня дергать, или неделю сидеть не сможешь».

Новых владельцев непременно ждали коровы и овцы, лошади и кролики, а некий фермер, сморкаясь, мрачно разглядывал каких-нибудь кур.

В дождливый зимний день было отлично, потому что аукцион проходил под жестяной крышей и возникало ощущение чудесной влажной близости ко всему внутри.

В старинном ящике из пыльного стекла и длинных желтых реек, похожих на усы первоходца, лежали коробки черствых шоколадных батончиков. Пятьдесят центов за коробку – они и впрямь были очень черствые, но по какой-то детской причине я любил их грызть, мне бы раздобыть четвертак, найти того, кто войдет со мной в долю, и так в 1947 году я в конце концов получу дюжину черствых конфет.

Броневик

Посвящается Дженис

Я жил в комнате, где имелись кровать и телефон. И всё. Однажды утром я лежал на кровати, а телефон зазвонил. Шторы были задернуты, снаружи шел дождь. Еще стояла темень.

– Алло? – сказал я.

– Кто изобрел револьвер? – спросил мужской голос.

Не успел я положить трубку, как мой собственный голос выскочил из меня, как анархист, и произнес:

– Сэмюэл Колт ⁴¹.

– Вы только что выиграли корд дров ⁴², – сказал мужчина.

– Вы кто? – спросил я.

– Это викторина, – ответил он. – И вы только что выиграли корд дров.

– У меня нет печки, – сказал я. – Я снимаю комнату. Здесь нет отопления.

– А нужно ли вам что-нибудь еще, кроме корда дров? – спросил он.

– Ага. Авторучка.

– Хорошо, мы вам вышлем. Диктуйте адрес.

Я дал ему адрес, а потом спросил, кто финансирует викторину.

– Это не важно, – ответил он. – Авторучка будет у вас в почтовом ящике завтра утром.

А, да, вот еще что – какой цвет вы предпочитаете? Чуть не забыл.

– Синий будет в самый раз.

– Синие у нас кончились. Может, какой-нибудь другой? Зеленый? У нас есть много зеленых авторучек.

– Ладно, тогда зеленую.

– Она будет у вас в почтовом ящике завтра утром, – сказал он.

Не было. Она так никогда и не пришла.

В жизни я выиграл только одно и действительно получил приз – броневик. Маленьким я доставлял газеты по маршруту, который тянулся на много-много миль вдоль самого ухабистого края города.

Приходилось скатываться на велике с горки, по обеим сторонам дороги – травяные поля, а в конце – старый сливовый сад. Часть деревьев срубили и построили четыре новых дома.

Перед одним стоял бронеавтомобиль. Городишко у нас был маленький, и водитель каждый день после работы забирал его с собой. И оставлял на ночь перед домом.

Я проезжал мимо, еще не было шести, и в домах все спали. Если в такую рань уже было светло, я мог рассмотреть бронеавтомобиль за четверть мили или около того.

Мне броневик нравился. Я слезал с велосипеда, подходил к нему, рассматривал, постукивал по тяжелому металлу, заглядывал в пуленепробиваемые окна, пинал покрышки.

Поскольку утром все спали, а я там был один, то через некоторое время начал считать его своим. Так я его и присвоил.

Однажды утром я влез в бронеавтомобиль и развез остаток газет на нем. Выглядело довольно странно: мальчишка развозит газеты на броневику.

Такое мне понравилось, и я стал проделывать это регулярно.

⁴¹ Сэмюэл Колт (1814–1862) – изобретатель стрелкового оружия. Его знаменитый револьвер с автоматической барабанной подачей патрона запатентован в 1835–1836 гг.

⁴² Корд – мера объема дров, равная 128 куб. футам.

– Вон едет тот пацан на броневике, что газеты развозит, – говорили ранние пташки. – Да, у него не все дома.

Я больше никогда ничего не выигрывал.

Литературная жизнь в Калифорнии/1964

1

Вчера вечером я сидел в баре и беседовал с другом, который время от времени оборачивался от стойки и глядел на свою жену. Они не жили вместе уже два года: безнадега.

Она активно подбивала клинья к какому-то мужику. На взгляд со стороны, им было очень весело.

Друг развернулся ко мне и спросил о двух книжках моих стихов. Я не особо известный поэт, но все равно иногда мне задают такие вопросы.

Он сказал, что раньше у него эти книжки были, а теперь нет. Куда-то задевались. Я сказал, что одна из них больше не переиздавалась, а другая спокойно продается в «Сити Лайтс»⁴³.

Он снова покосился на жену. Она смеялась какой-то шутке своего спутника, который выглядел очень довольным собой, ну и так далее.

– Мне надо кое в чем признаться, – сказал мой друг. – Помнишь, как-то раз я пришел вечером с работы, а ты и моя благоверная сидели на кухне и уговорили бутылку сладкого вермута?

Я помнил этот вечер, хотя ничего не произошло. Мы просто сидели на кухне, слушали пластинки и пили сладкий вермут. Может быть, таких, как мы, были тысячи по всей Америке.

– Так вот, когда ты ушел, я достал из шкафа эти две книжки, порвал в клочки и рассыпал по полу. Вся королевская конница, вся королевская рать не могли бы эти две книжки собрать.

– Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – сказал я.

– Чего? – спросил он.

Он был немного навеселе. На стойке перед ним стояли три пустых пивных бутылки с тщательно соскобленными этикетками.

– Я просто пишу стихи, – сказал я. – Разве сторож я страницам моим? Не могу же я всю жизнь их стеречь. Согласись, бред же.

Я тоже был немного навеселе.

– Все-таки, – сказал мой друг, – я хотел бы их иметь. Где мне их найти?

– Одна из них не переиздавалась уже пять лет. Вторая спокойно продается в «Сити Лайтс», – сказал я, лихорадочно прокручивая перед мысленным взором, что происходило на кухне после того, как я ушел в ночь, источая пары сладкого вермута.

Что он сказал ей, прежде чем снять книжки с полки и разорвать. Что сказала она, что сказал он, какая книжка пала первой, как он ее рвал. Ничего не сравнится с добрым выплеском здорового негодования – и ликвидацией последствий.

2

Год назад я увидел в «Сити Лайтс», как кто-то смотрит мою книжку стихов. Книжка ему нравилась, но в удовольствии отмечалась определенная нерешительность.

Он снова поглядел на обложку и снова пролистал книжку. Остановил страницы, словно это были стрелки часов, и ему нравилось время, которое они показывают. Он прочел стихотво-

⁴³ «Огни большого города» – книжный магазин и издательство поэта-битника Лоуренса Ферлингетти (р. 1919), назван в честь комедии (1931) Чарли Чаплина (1889–1977). Один из духовных центров бит-поколения.

рение, соответствовавшее семи часам. Потом вернулась нерешительность и затуманила циферблат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.